

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

XVIII Международный научно-практический
форум студентов, аспирантов и молодых ученых,
посвященный 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы научно-практической конференции

Красноярск, 26 апреля 2017 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XVIII Международный научно-практический
форум студентов, аспирантов и молодых ученых,
посвященный 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы научно-практической конференции

Красноярск, 26 апреля 2017 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2017

ББК 74.00
М 754

Редакционная коллегия:
О.А. Шереметьева (отв. ред.)
Т.Н. Садырина
И.В. Ревенко

М 754 **Молодежь и наука XXI века:** XVIII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященный 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева. **Актуальные проблемы филологии:** материалы научно-практической конференции. Красноярск, 26 апреля 2017 г. / отв. ред. О.А. Шереметьева; ред. кол.; Электрон. дан. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-115-5

ББК 74.00

ISBN 978-5-00102-115-5

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гнедчик А.С. ОБРАЗ ХРИСТА И ДЕВЫ МАРИИ В СВЯТОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	5
Епланов Д.В. ПРИЕМ МОДУСНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Э. ШЕФФЕРА «ИГРА»).....	9
Кудрева В.А. НОМИНАЦИИ И ФУНКЦИИ ОСНОВНЫХ ЧИНОВ И ЭТАПОВ КЕЖЕМСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА.....	12
Малиновская Е.А. ЛИЧНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ГЛАЗАМИ ДЖ. КЕРУАКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И «СКЕТЧЕЙ» ПИСАТЕЛЯ).....	15
Небова Е.В. МИФОПОЭТИКА РАССКАЗА А.А. КАБАКОВА «ЛЮБОВЬ ЗЛА».....	18
Обухова В.Г. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРАЗОВ МИФИЧЕСКИХ ЛЮБОВНИКОВ В БЫЛИЧКАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	21
Суровцева К.А. ФУНКЦИИ АБСУРДА В РАССКАЗАХ КСЕНИИ ДРАГУНСКОЙ.....	24
Трухина Е.И. ПОЭЗИЯ МАРИНЫ БОРОДИЦКОЙ В СИСТЕМЕ ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ.....	27

РАЗДЕЛ II. ЛИНГВИСТИКА

Белоусова Е.М. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ПЕРСОНАЖА И ЕГО ЭМОТИВНОГО ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»)	30
Богданова Т.А. РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В МОЛОДЕЖНОЙ МЕДИАСРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ)	34
Боровик Т.С. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»	38
Гальмиз Е.Д. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЛЮБОВЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	41
Иванова М.В., Пихутина В.И. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИКЛЮЧЕНИИ «БОЛЬШОЙ И ДОБРЫЙ ВЕЛИКАН» ДАЛЯ РОАЛЬДА	44
Кабирова М.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭМОТИВНОСТИ В СЕМЕЙНОМ ЯЗЫКЕ	47
Мисинева И.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ	50

Овцина А.О.	
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»	53
Панкова Л.В.	
ОБУЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА.....	58
Подабед С.А.	
АДАПТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В.П. АСТАФЬЕВА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	63
Подсохин Ф.Е.	
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – РЕЧЕКОММУНИКАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ	66
Тютюкова А.Е.	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЛИБРЕТТО (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЛИБРЕТТО К СПЕКТАКЛЮ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»)	72
Шалимова Н.С.	
ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНАХ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» И Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛ»	76
Шамовская А.А.	
ЭМОТИВНОЕ ПОЛЕ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»	80

Раздел I.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ ХРИСТА И ДЕВЫ МАРИИ В СВЯТОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

THE IMAGE OF CHRIST AND THE VIRGIN MARY IN THE HOLY FOLKLORE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

А.С. Гнедчик

A.S. Gnedchik

Научный руководитель **Н.А. Новоселова**
Scientific director **N.A. Novosyolova**

Фольклор, святки, святочные песни, образы Христа и Девы Марии, христианские мотивы. Работа посвящена рассмотрению образов Христа и Девы Марии, их распространенности в святочном фольклоре изучаемой территории и выявлению связи с этнической принадлежностью носителей. В статье затрагивается соотношение региональной тенденции и общерусского фольклора.

Folklore, Christmas, holy songs, Images of Christ and the Virgin Mary, Christian motifs.

The work is devoted to the study of the images of Christ and the Virgin Mary, their prevalence in the sacred folklore of the studied territory and the identification of the connection with the ethnic identity of the bearers. The article deals with the correlation between the regional tendency and the all-Russian folklore.

Святки – важный в народном сознании промежуток времени от Рождества до Крещения, наполненный различными магическими обрядами и фольклором.

Цель нашей работы – рассмотреть место христианских образов в святочном фольклоре Красноярского края.

Эта цель обусловила постановку следующих задач:

- выявить уровень распространенности образов Христа и Девы Марии в святочном фольклоре Красноярского края;
- проследить, для фольклора каких этнических групп они характерны;
- определить семантику мотивов, использующих христианские образы;
- отметить, каким образом выявленные нами тенденции соотносятся с общерусским фольклором.

Материалом для работы послужил сборник фольклорных текстов Красноярского края «Пришла коляда накануне Рождества», составленный Н.А. Новоселовой и С.В. Соколовой, изданный в 1995 г. Далее мы ссылаемся на сокращенное название этого сборника («Пришла коляда»).

Анализируя этот сборник, мы увидели, что из 430 святочных песен лишь 15 упоминают образы Христа и Девы Марии. Обратившись к книге «Поэзия крестьянских праздников» И.И. Земцовского 1970 г., мы обнаружили, что из приведенных в ней 99 колядок только 2 обращаются к указанным образам. Следовательно, малая распространенность христианских образов второй половины XX в. является общей тенденцией как в Сибири, так и на территории России.

Обратившись к примечаниям, мы увидели, что носителями песен с христианской тематикой в равной степени являются исконно русские жители и переселенцы из Украины (на последних указывают личные данные носителей и оформление лексики по нормам украинского наречия).

В отдельных святочных песнях сборника И.И. Земцовского восхваляются Рождество, Васильев вечер и Крещение. В Красноярском крае была записана только одна подобная песня, – это рождественская слава.

Как во поле, поле елочка стояла.

На той елочке свечечка горит.

Свечечка упала – озеро стало.

В том озере сам Бог купался.

Со святым Рождеством,

С Иисусом Христом.

Святое Рождество

Радость нам принесло,

Святой Василий развеселил [«Пришла коляда», 1995, с. 56].

В региональном фольклоре образ Христа встречается в 9 святочных песнях и включает три мотива: восхваления христианских праздников святочного периода, рождения Христа и связи Христа с сиротой.

Тему рождения Христа затрагивает 5 рождественских песен-слав. Они варьируются деталями и сопутствующими образами. Как правило, в текст этих песен включен вертеп как пространство, где рождается Христос.

Нова радость стала,

Какой не бывало:

Над вертепом звезда ясна

Ясным светом воссияла.

Где Христос родился... [«Пришла коляда», 1995, с. 45].

Тема восхваления Христа наблюдается в одной рождественской славе:

Маленький вьюнчик,

Христа распевочик,

Бога хвалит,

Христа воспеваает,

Хозяина с хозяйшкой

С праздником поздравляет [«Пришла коляда», 1995, с. 53].

В трех святочных песнях имеется мотив связи Христа с сиротой:

... У Христа-то ворота

Открывает сирота [«Пришла коляда», 1995, с. 113].

Обратившись к научной литературе, мы выяснили, что фольклорный сирота – это «социально и ритуально маргинальное лицо, имеющее статус посредника между людьми и Богом (наряду с нищим, вдовой и др.); ... слово сироты, как и слово нищего, быстрее доходит до Бога» [Левкиевская, 2009, с. 641]. Неудивительно, что люди одаривают сироту – так они могут одарить самого Бога, получив взамен благополучие своей семьи.

Образ Девы Марии представлен всего лишь в 5 святочных песнях. В одних Дева Мария сосуществует в одном поэтическом пространстве с иными библейскими образами, зачастую – с сыном, в таких колядках она похожа на заботливую крестьянскую мать:

Шо то за предиво,

В свѣтѣ новина:

Та дева Мария сина родила.

Ой, як вона породила,

У ясельцах положила,

Пречиста дева [«Пришла коляда», 1995, с. 43].

В других (2 текста) она является защитницей и просительницей блага для всех людей:

Дева Мария

По полю ходила,

Бога просила:

– Уроди, Боже, пшенички

На каждом поличке... [«Пришла коляда», 1995, с. 123].

Здесь проявляется отмеченная В.И. Жекулиной особенность: «образы христианских святых взяли на себя функции божеств плодородия, помощников в труде земледельца...» [Жекулина, 1989, с. 15].

Итак, мы выяснили, что христианские образы в святочном песенном фольклоре нашего края выражены слабо. Носителями таких песен в равной степени являются как украинцы, так и русские. Малая распространенность христианских образов – общая тенденция для России.

Различные мотивы, связанные с упоминанием Христа, встречаются в песнях разного типа. Так, мотив появления и рождения Христа представлен преимущественно в вертепных песнях, мотив связи Христа с сиротством – в русских посевальных песнях, хваление Христа и христианских праздников – в рождественских славах.

Дева Мария представлена в различных функциях – как заботливая мать Христа или помощница окружающим людям в их земледельческом труде.

Библиографический список

1. Жекулина В.И. Обрядовая поэзия. М.: Современник, 1989. 735 с.
2. Земцовский И.И. Поэзия крестьянских праздников. Ленинград: Современный писатель, 1970. 635 с.
3. Левкиевская Е.Е. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М: Международные отношения, 2009. Т. 4. 216 с.
4. Новоселова Н.А., Соколова С.В. Пришла коляда накануне Рождества. Красноярское книжное издательство, 1995. 256 с.

ПРИЕМ МОДУСНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Э. ШЕФФЕРА «ИГРА»)

RECEPTION OF MODULAR RECONSTRUCTION AS A TOOL OF ANALYSIS OF ARTISTIC TEXT (ON THE MATERIAL OF PLAY E. SHEFFER «GAME»)

Д.В. Епланов

D.V. Eplanov

Научный руководитель *С.Г. Липнягова*
Scientific director *S.G. Lipnyagova*

Модус, Шеффер, игра, миф, мотив, детектив, инвариант, английская литературная традиция.

В статье предпринята попытка реконструкции модусной структуры драматического текста. Исследование осуществлено в рамках общей теории модуса. Выявлены особенности функционирования структурных элементов сюжета. В ходе разбора инвариантной структуры текста было осуществлено ее включение в историко-литературный контекст.

Modus, Schaeffer, game, myth, motive, detective, invariant, English literary tradition.

The article attempts to reconstruct the modular structure of the dramatic text. The research is carried out within the framework of the general theory of modus. The features of the structural elements of the plot are revealed. During the analysis of the invariant structure of the text, it was included in the historical and literary context.

Проблема анализа художественных текстов с точки зрения теории модуса является одной из самых актуальных в отечественном и зарубежном литературоведении. Модус как литературоведческая категория может быть представлена как с точки зрения формальной школы, где он встраивается в парадигму структурного измерения особенностей сюжетостроения текста, так и в рамках иных литературоведческих школ [Крошнева, 2007, с. 10].

Одним из приемов модусного литературоведения становится прием модусной реконструкции – восстановление модусных структур текста адекватно поэтике произведения. Реконструкция может быть осуществлена на нескольких уровнях: собственно текстуальном; уровне авторской поэтики; уровне литературного дискурса; уровне историко-литературного дискурса.

Конструкт, в который встраиваются образы главных героев, Майло и Эндрю, в западноевропейском литературоведении определен как «двойничество». Эндрю и Майло становятся не только конфликтерами, но и соучастниками. Причем их содействие друг другу укладывается в рамки конструкта «ведущий–ведомый» или «мастер–ученик».

Модусная реконструкция текста на уровне жанровых генеративов позволяет нам выявить два магистральных жанровых генератива. Первый, детективный, обладает условной завершенностью и прослеживается нами на всех уровнях поэтики пьесы. При этом художественная основа конфликта вычленяется из модусной структуры мелодрамы (конфликт муж–любовник). Очевидно, эта особенность пьесы, сопряжение в рамках единой художественной структуры детектива собственно детективных и мелодраматических ролевых и событийных модусов, не является художественным открытием Шеффера. В корпусе текстов классического английского детектива эта сюжетная коллизия (упрощенно, любовный конфликт) зачастую становились главными.

Тем не менее Шеффер сознательно сводит конфликт муж–любовник к шаблонному и снимает напряженность между героями. Таким образом, этот конфликт (а вместе с ним и жанровый генератив) определяется как маргинальный именно за счет его структурной дискретности. Как отмечает С.Г. Липнягова, именно дискретные эстетические категории во многом помогают понять структуру и идейно-художественное своеобразие текста [Липнягова, 2002, с. 152].

Аксиоматические сети, иллюстрацией которых является работа Шеффера (аристократ, цель жизни которого – игра, и молодой эмигрант, идущий на преступление ради денег и женщины), разрушаются по ходу пьесы. Так, молодой эмигрант перестает быть героем мелодрамы и становится игроком – «двойником» аристократа. Так, жанровая реконструкция позволяет нам определить развитие художественного образа в пьесе Шеффера на фоне (и в парадигме) событийных модусных структур детективного жанра. С.Г. Липнягова указывает, что «функционирование театральности» как категории поэтики романа определяет модусную структуру заявленного текста иными конструктами, что позволяет автору выйти за рамки фабульно определенных жанровых генеративов [Липнягова, 2007, с. 130].

Однако в основе работы Шеффера, тем не менее, лежит детективный нарратив. Авторское определение жанра («детектив в трех сетах») заявляет структурную единицу сюжета пьесы – это не драматургическое действие (коих в пьесе всего два), а «сет» (игровой период в спорте). Структура «сета» совпадает со структурой детективного инварианта, и каждое из трех столкновений героев находится в рамках этого инварианта. Более того, его тяготение к симметрии в плане реализации заявленной инвариантной структуры «сета» позволяет автору перенести фокус внимания с детектива, как процесса «разоблачения» к игре, как процессу «борьбы». Таким образом, смена ролевых функций персонажей обусловлена в рамках детективного нарратива именно игровым началом (игровой, или ирреальной, модальностью). Как отмечает французский социолог Л. Болтански, детективная литература – это «игровая» литература, которая «упорядочивает» реальность даже на уровне формы [Boltanski, 2012, с. 64].

Фрейм инварианта одного «сета» в пьесе Шеффера может быть обозначен как смена следующих событийных модусов: конфликт-тайна-расследование; игра-преступление-объяснение. Две триады, две линейных модусных структуры,

выявляемых в пьесе, сопрягаются с двумя уровнями модальности. Так, на уровне реальном мы видим завяку конфликта, определение автором некой тайны (зачастую в подтексте) и ее расследование (выявление истинных модусов). Однако в процессе расследования происходит смена модальности – переход к ирреальному (игровому) уровню. Так, игра между героями, апогеем которой становится фиктивное преступление, объясняется, что выводит текст вновь в парадигму реальной модальности.

Упомянутая нами выше категория «метатекст» в контексте данной работы определяется не как совмещающая жанровые структуры, но как выстраивающая собственную жанровую парадигматику. Причем для этого художественное полотно пьесы стягивают маргинальные жанровые генеративы. Функционально они необходимы, с одной стороны, для сопряжения разноплановых конфликтных ситуаций, с другой, для выстраивания «подтекста» произведения, с третьей, для снятия общей конфликтной напряженности за счет смены фокуса.

Библиографический список

1. Boltanski, L., *Mysteries and Conspiracies – Detective Stories, Spy Novels and the Making of Modern Societies* (translated by Catherine Porter). Cambridge (UK), Polity Press, 2012. 125 p.
2. Крошнева М.Е. Теория литературы: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 103 с.
3. Липнягова С.Г. В поисках утраченного... // Филологический сборник: Литературы Западной Европы – от эпохи Возрождения к XXI веку: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. С. 151–158.
4. Липнягова С.Г. Театральность как категория в поэтике романа. К постановке проблемы // Преподаватель XXI век. 2007. № 1. С. 125–131.

НОМИНАЦИИ И ФУНКЦИИ ОСНОВНЫХ ЧИНОВ И ЭТАПОВ КЕЖЕМСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

THE NOMINATION AND FUNCTIONS OF THE MAIN RANKS AND STAGES KEZHEMSKOGO WEDDING CEREMONY

В.А. Кудрева

V.A. Kudreva

Научный руководитель **Н.А. Новоселова**

Scientific director **O.N. Novoselova**

Фольклор, свадебный обряд, номинации, чины, функции чинов, этапы свадьбы.

В статье представлены основные свадебные чины ангарской свадьбы, их функции и отражение в свадебном фольклоре.

Folklore, wedding ceremony, category, ranks functions, ranks, stages of the wedding.

The article presents a description of the regret of the wedding ceremony. Main wedding ranks Angarsk wedding functions and wedding reflection in folklore.

В начале XX в. дореволюционными собирателями было сделано 5 записей кежемского свадебного обряда. Они были записаны Арефьевым и Розенбаумом, Дяткиным, Чеканинским. Спустя более 50 лет, т. е. в 1979–1984 гг. кежемскую свадьбу записывали фольклорные экспедиции КГПУ под руководством Н.А. Новоселовой [Н.А. Новоселова, 1984, с. 83].

Анализируя записи разных лет, мы заметили, что у собирателей имеются расхождения в названиях этапов свадьбы. Например, у Арефьева заключительный этап именуется «пир» [Арефьев, Розенбаум, 1900, с. 117], а у Дяткина «стола» [Дяткин, с. 3]. Особенностью Кежемской свадьбы является то, что не существует такое название, как девичник, оно заменено словом вечерка.

На разных этапах обряда главенствовали разные свадебные чины. Так, на этапе просватанья главными действующими лицами были невеста, сваты и родители, на этапе смотрин к ним присоединяется жених. На следующем этапе – вечерке, появляются тысяцкий, бояре и дружка. На этапе бранья присутствуют все перечисленные выше чины, но наиболее активная функция у дружки.

В Кежемской волости родители невесты не сразу давали положительный ответ, тем самым показывая, что девушка – завидная невеста и нужна им самим. Начиная со смотрин, центральными фигурами обряда становились жених и невеста. На данном этапе родственники жениха дарят молодым деньги, которые затем жених передает невесте. На них она должна купить подарки будущим родным, а жениху сшить рубаху, в которой он должен венчаться.

Важными участниками обряда являлись подружки невесты. Они участвуют в обрядовом действии, начиная с «просватанья», становятся активнее на смотре-

нах, а перед вечеркой собираются к невесте, и каждая несет ей подарок. На бранье девицы приходят к невесте на завтрак, а когда молодые уезжают венчаться, они гуляют по деревне [Арефьев, Розенбаум, 1900, 83].

Приданница – родственница невесты, ее функция отвезти приданое. Ее никто не сопровождает, она сама управляет лошадьми, и в то время как молодые поехали венчаться, она отвозит приданое в дом жениха. В фольклоре данный чин не отмечен.

Розенбаум и Арефьев упоминают свадебный чин стряпки. К стряпке обращается дружка во время вечерки: «Стряпочка христовая! Начало гостепотчевания!», тем самым уведомляя женщину, что пора подавать блюда к столу. [Арефьев, Розенбаум, 1900, с. 117].

Жених начинает свое участие в свадебном действии со смотрин. Он сидит за столом с невестой и гостями, а когда родители жениха приглашают родителей невесты к себе, жених остается с невестой, и она поит его чаем. В день перед венчанием жених ходит приглашать бояр – участников свадебного поезда. Местной чертой можно считать участие жениха в окручении невесты: он заплетает невесте правую косу.

Сват и сваха являются действующими лицами на протяжении всей свадьбы, начиная с этапа просватанья, на котором они выполняют свою главную функцию – сватают. Сваха участвует также на браньи: в конце окручения невесты она повязывает платок ей на голову.

В кежемской свадьбе, как и в других местностях, тысяцким был крестный жениха. Этот чин Арефьев и Розенбаум упоминают, начиная с вечерки. Тысяцкий играет одну из главных ролей в день венчания. Во время благословления он подводит жениха к родителям. По дороге к дому невесты тысяцкий сидит рядом с женихом. Во время окручения тысяцкий вместе с дружкой держат шаль и застилают невесту от гостей. Обрядовая роль тысяцкого заметна в выкупе курника (пирог, начиненный крупой и яйцами): он должен больше всех дать за него денег.

Следующим и даже более значимым чином является дружка. Претендующий на эту роль должен был знать магические действия и особые приговоры. Первый раз дружка появляется в доме невесты на вечерке, чтобы узнать когда привозить «коробью» с подарками, а чуть позже их привозит. В день бранья он первым входит в дом невесты, а после венчания первый – в дом жениха, и все это сопровождается особыми приговорами. Дружка практически ведет весь свадебный пир. У него есть отличительные атрибуты в одежде: полотенце, «перебранный пояс» и заткнутый за пояс «столб» – нагайка.

Бояре – это друзья жениха, в кежемской свадьбе они именовались младший, средний и старший. Младший боярин ездил с дружкой отдавать коробью, а после вечерки развозил гостей по домам. Функции старшего и среднего бояр четко не указаны.

Е. Дяткин в своих записях указывает такой чин, как косопродавец. Им мог быть младший брат невесты, а если он отсутствует, то косу могла продавать одна

из родственниц невесты – косопродавица. (Фолк. арх. КГПУ, 1979, пл. У). Функция данного чина исходит из его номинации. Он старался продать косу невесты как можно выгоднее.

Таким образом, в кежемском свадебном обряде участвовало несколько свадебных чинов, которые имели свои номинации и выполняли предписанные традицией функции на протяжении различных этапов свадьбы. Ареальными являются особые чины приданницы, стряпки и косопродавицы. Другие свадебные чины соотносятся с участниками северно-русской свадьбы.

Список сокращений

1. Фольк. Арх. КГПУ – фольклорный архив Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

Библиографический список

1. Е. Дяткин «Свадьбы крестьянского населения Енисейского Приангарья». Архив Красноярского краеведческого музея. О. ф. 7886/173.
2. Новоселова Н.А. Собрание фольклора в Приангарье // Полевые исследования. Русский фольклор. Л.: Наука, 1984. Т. XII. С. 83.
3. Розенбаум С.П. и Арефьева В.С. Свадьба в ангарской деревне // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1900. Т. 31. С. 79–117.
4. И.А. Чеканинский «Свадебные материалы Ангарского района». Архив Красноярского краеведческого музея. О. ф. ККМ, 7886/149.
5. Фольклорный архив КГПУ, пл. У1-3/1979. Записано Новоселовой Н.А.

ЛИЧНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ГЛАЗАМИ ДЖ. КЕРУАКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И «СКЕТЧЕЙ» ПИСАТЕЛЯ)

F.M. DOSTOEVSKY IN THE EYES OF J.KEROUAC
(ON THE MATERIAL OF HIS LETTERS AND «SCATCHES»)

Е.А. Малиновская

E.A. Malinovskaya

Научный руководитель *С.Г. Липнягова*
Scientific director *S.G. Lipnyagova*

Зарубежная литература, литературоведение, битники, бит-литература, американская литература XX века, контркультура, А. Гинзберг, Дж. Керуак, У. Берроуз, У. Блейк.

В статье рассматриваются особенности восприятия личности Ф.М. Достоевского писателем-битником Дж. Керуаком. Проводится анализ упоминаний о Достоевском в романах, письмах и «скетчах» писателя. Рассматривается проблема влияния философии Достоевского на мировоззренческую концепцию творчества Дж. Керуака.

Foreign literature, literary criticism, beatniks, beat-literature, American literature of the 20-th century, counterculture, English literature of the 18-19-th century, A. Ginsberg, D. Kerouac, W. Burroughs, W. Blake.

The article discusses J. Kerouac's personal perception of F.M. Dostoevsky. Also it considers the problem of the influence of Dostoevsky's philosophy on the ideological concept of creativity of J. Kerouac. The references to Dostoevsky in Kerouac's novels, letters and sketches are analyzed.

Джек Керуак – фигура, несомненно, культовая в американской культуре второй половины XX в. Автор был назван «отцом» бит-поколения еще при жизни. Роман «В дороге» является наиболее популярным произведением автора и ключевым в его творчестве с точки зрения поэтики битничества. Дж. Керуак считал, что настоящее искусство должно быть основано исключительно на жизненном и чувственном опыте. Этим обусловлена абсолютная автобиографичность романа. Стиль «спонтанной прозы», как отмечают исследователи [Холадей, 2009, с. 16], окончательно сформировался позже, роман Керуака в этом отношении можно назвать «пробой пера».

Именно на страницах романа «В дороге» встречается имя классика русской литературы XIX в. Ф.М. Достоевского. Очевидно, что личность Достоевского оказала значительное влияние на творчество Керуака. Сам писатель отмечал, что некоторые его произведения написаны под влиянием Достоевского. Например, свой роман «Подземные» он сравнивает с «Записками из подполья» [Львова, 2017]. Известно, что Керуак не раз упоминал о Достоевском в беседах со своими друзьями, а также в литературных кругах. В романе имя писателя в несколько измененном варианте – *Достиофски* – упоминается как раз в беседе главного героя с Реми Бонкурсом, школьным другом: «Как звали того русского писателя, о котором *ты* все

время твердишь, – он еще засовывал себе в башмак газеты, а цилиндр свой нашел на помойке – Эта чепуха пришла Реми в голову после моих рассказов о Достоевском. – Ага, вспомнил, ну конечно – Достюффски» [Керуак, 2017].

Тот факт, что Керуак действительно не раз «твердил» о Достоевском своим друзьям, находит подтверждение в переписке писателя с Нилом Кэссиди и Себастьяном Сампасом. Так, в письме к Сампасу писатель называет Достоевского «одним из нас». В переписке с Кэссиди Керуак говорит о православии Достоевского, называя его «русским Христом»: «С пришествием **русского Христа Достоевского** мы, молодые американцы, обращаемся к новой оценке человека: самой его «позиции», личностной и психической» [Там же]. Следует отметить, что православие традиционно воспринимается в западном сознании как религия страдания. Герои Достоевского проходят испытания страданием в разных его формах, таких как богоборчество, неверие, нравственное падение, убийство и др. Керуаку понимание страдания как необходимого испытания, несомненно, близко. Например, идея ценности и святости страдания – как раз то семантическое звено, которое связывает идейное содержание романов Керуака с религией. Путешествуя по стране автостопом, герои Керуака, кажется, никак не могут найти себе места. Казалось бы, герои движутся вперед, однако они каждый раз возвращаются в исходную точку страдания, падения. Так, в начале романа «Биг Сур» автор описывает сцену несчастного утра героя, просыпающегося после очередной вечеринки, теперь уже в Сан-Франциско: «Церковные колокола бросают на ветер печальную мелодию «Катлин», она разносится над трущобами скид-роу, где я просыпаюсь со стоном, несчастный, бедственно сплывшийся после очередной пьянки <...>» [Керуак, 2017].

Немалую роль здесь играет музыкальность текста. Мелодия, упомянутая в данном отрывке, – «Terence's Farewell To Kathleen» знаменитого ирландского певца Джона МакКормака. Фортепианные ноты, созвучные колокольному звону, и протяжный, исполненный любовной тоски голос певца передают тяжесть и страдание героя, усиливая мотив внутренней надломленности. «Колокола, так печально вызывающие «Вернись ко мне, моя Катлин»», а также образ Сатаны обращают нас к религиозному контексту: «Сатана – причина твоего пьянства, Сатана – причина твоей распушенности, Сатана подстерегает тебя повсюду – покайся!» [Керуак, 2017].

Интересна тема покаяния, звучащая в этих строках. В этом ключе образ несчастного, раздавленного, слабого героя несколько отличается от привычного образа битника-нигилиста, без сожаления прожигающего жизнь. Героями Керуака часто руководит смирение, желание преодолеть себя и «переболеть», несмотря на их бунтарский дух, революционные идеи и контркультурность. Похожее стремление часто руководит и героями Достоевского.

Интересны упоминания о Достоевском в «Книге скетчей» Керуака. Этот сборник небольших поэтических зарисовок, «скетчей», был издан в США в 2006 г. Упоминание о Достоевском здесь вновь связано с христианскими образами: русский классик назван «Христианским феллахом», то есть фермером, землепашцем («O Dostoevsky of Indian Milleniums! – Christian Fellaheen»).

Одна из записей Керуака кажется нам наиболее значимой. В ней автор прямо говорит о том, что больше всего поражает его при чтении романов Достоевского. Это нервное напряжение, которое как будто предшествует первой странице романа. Мы считаем необходимым выполнить дословный перевод этого отрывка:

«Первое, что поражает меня в Достоевском в начале любого из его романов, — это нервное напряжение, которое как будто предшествует первой странице — герой всегда одинаков, появляется на первой странице из вечности интроспекции, муки и темноты — так же, как и я каждый день. Хмм» [Керуак, 2017].

Столь сильное личностное переживание и отождествление себя с героем — ключ к пониманию того, как Керуак воспринимает Достоевского. Мы видим, что произведения Достоевского глубоко волнуют Керуака на уровне идей и переживаний, то есть с точки зрения философии и психологии. Становится ясно, что за веселыми путешествиями, приключениями и отвязными пьянками героев Керуака стоит такое же острое, болезненное противоречие, присущее героям-идеологам Достоевского. Герои Достоевского, мучаясь поисками Бога или трагически переживая его отсутствие, зачастую находятся в ситуации крайнего отчаяния, на грани самоубийства (Кириллов, Ставрогин, Раскольников и др.). Герои Керуака меньше сомневаются в существовании Бога, воспринимая мир через призму премодернистической, традиционной философии, однако при этом страдают от собственной слабости, неспособности круто изменить свою жизнь. При этом в чем-то схожи пути ухода от отчаяния: герои Достоевского уходят в любовь или в смерть, герои Керуака — в священное природное одиночество, скитальчество, затворничество.

Влияние Достоевского на творчество Керуака очевидно, прежде всего, на идейно-философском уровне. Наиболее ярко оно просматривается в образах персонажей, а именно в их духовных и философских исканиях. Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ конкретных художественных произведений названных авторов позволит более детально проследить влияние творчества Достоевского на философию и поэтику Керуака.

Библиографический список

1. Керуак Д. Бродяги Дхармы. URL: Керуак Джек. 1958. URL: <http://lib.ru/INPROZ/KERUAK/dharma.txt>
2. Керуак Д. В дороге. URL: <http://knijky.ru/books/na-doroge>
3. Керуак Д. Истоки разбитого поколения. URL: <http://contr-cult-msu.livejournal.com/5996.html>
4. Львова И.В. Ф.М. Достоевский в восприятии поколения Бит (к проблеме рецепции творчества писателя в США) // Вестник НГУ. 2004. № 29. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-vostryiatii-pokoleniya-bit-k-probleme-retseptsii-tvorchestva-pisatelya-v-ssha>
5. Штумпф С.П. Концептуальная модель духовности: содержательный контент, структура, механизмы реализации // Вестник КГПУ. 2014. № 3. С. 178–182.
6. Holladay, H. What's your road, man? : critical essays on Jack Kerouac's On the road /edited by Hilary Holladay and Robert Holton. — Board of Trustees, Southern Illinois University, 2009.
7. Kerouac J. Books of sketches. Penguin Books, 2006. URL: <http://library.globalchalet.net/Authors/Poetry%20Books%20Collection/Jack%20Kerouac%20-%20Book%20of%20sketches,%201952-57.pdf>

МИФОПОЭТИКА

РАССКАЗА А.А. КАБАКОВА «ЛЮБОВЬ ЗЛА»

MYTHOPOETICS OF A. A. KABAKOV'S STORY «LOVE IS EVIL»

Е.В. Небова

E.V. Nebova

Научный руководитель **Н.А. Новоселова**

Scientific director **O.N. Novoselova**

Мифопоэтика, интертекстуальность, интертекстуальные связи, фольклор, прецедентный текст, прообраз, нарратив.

В статье определяются мифопоэтические особенности рассказа А.А. Кабакова «Любовь зла». Выделяются прецедентные тексты в аспекте поэтики произведения. Устанавливаются интертекстуальные связи произведения с прецедентным текстом.

Mythopoeitics, intertextuality, intertextual relations, folklore, precedent text, prototype, narrative.

The article defines the mythopoetic features of the story of A.A. Kabakov «Love is evil». Distinguished precedent texts in the aspect of the poetics of the work. It establishes the intertextual links of the work with the precedent text.

Рассказ А.А. Кабакова «Любовь зла» образует интертекстуальные связи с фольклорными текстами. Следовательно, его можно рассматривать с точки зрения мифопоэтики, изучающей первобытные структуры и образы в фольклоре и литературе [Бедзир]. Мифопоэтикой занимаются Р. Барт, Г.А. Токарева, Н.В. Ковтун и др. Творчество А.А. Кабакова не рассматривалось в данном аспекте, что определяет новизну нашего исследования.

Генезис фольклорного образа лягушки восходит к мифологическому прообразу, который разные народы наделяли как положительной (связь с плодородием, возрождением), так и отрицательной (связь с хтоническим миром, болезнью, смертью) семантикой [Жучкова, 2014, с. 107].

В русской народной сказке «Царевна-лягушка» в качестве основного выступает мотив превращения. Образ Василисы Премудрой, обращенной в лягушку Кошечем Бессмертным, наделен положительной семантикой. Царевна-лягушка помогает Ивану-царевичу справиться с испытаниями отца, она умна, красива, добра и искренне любит героя. В рассказе «Любовь зла» А.А. Кабакова мы сталкиваемся с неоднозначным, трансформированным образом Царевны-лягушки. Двуплановость, задуманная писателем, прослеживается в «сферах обитания» этого персонажа, в каждой из которых он может существовать: это реальная действительность и мысли главного героя.

Герой рассказа, Игорь Алексеевич Капец, нашел свою лягушку на крыльце бани, прямо у его ног «лежал яркий зеленый листок» [Кабаков, 2005, с. 147], который оказался обыкновенной маленькой лягушкой. Капец положил ее за пазуху

и понес домой: «Слабые лапки тихо скребли сквозь ткань мужскую грудь там, где сердце» [Кабаков, 2005, с. 155]. Далее реалистическое развитие сюжета приобретает сказочные черты.

Игорь знаком с бытующим в народе сюжетом сказки о Царевне-лягушке и под его воздействием начинает очеловечивать земноводное и наделять его эмоциональными качествами. В восприятии героя в «рубиновых глазах» лягушки сияет любовь и она говорит приятным, ласковым голосом, который словно принадлежал «ребенку лет десяти» [Кабаков, 2005, с. 155].

Описание автором общения Игоря и лягушки имеет явный иронический характер, который проявляется хотя бы в сталкивании деталей разных культур: «Ей нравились спагетти российского производства по итальянской лицензии под грибным немецким соусом» [Кабаков, 2005, с. 159]. Кроме того, на лексическом уровне прослеживается эротичность в восприятии героем животного: когда она прикасалась к его коже «тонкими иголочками коготков», то в него проникало «электричество любви» [Кабаков, 2005, с. 160]. Лягушка для Игоря является одновременно ребенком и возлюбленной. В его сознании она превращается в 16-летнюю девушку. Повествователь играет с читателем, сталкивая мир сознания героя и реальность. Игорь вроде бы находит подтверждение своим эротическим фантазиям в действительности – это «маленькие следы босых ног» на сырой земле, оставленные девушкой [Кабаков, 2005, с. 166]. Следовательно, образ сказочной лягушки в рассказе «Любовь зла» приобретает нимфетические черты.

Автор уделяет особое внимание языку, на котором общаются влюбленные. Друг Игоря, поддавшись его дискурсу, предполагает, что лягушка говорит на шведском или ином заморском языке. Это, казалось бы, немотивированное предположение имеет интертекстуальную основу. Так, в русских загадках присутствует мотив иноязычной артикулированности звуков, издаваемых лягушкой: «Выпуча глаза сидит, по-французски говорит» [Садовников, 1876, с. 191]. Но герой рассказа не знает иностранных языков, да и между влюбленными не возникает языкового барьера: «По-русски она говорит вот точно как мы с тобой, и слова все знает, и акцента нет никакого» [Кабаков, 2005, с. 163]. Этот языковой парадокс разрешает сама лягушка. Она говорит Игорю, что он разговаривает за двоих, читая ее мысли с помощью телепатии. Это проявление авторской игры с читателем подтверждает двуплановость повествовательной модели рассказа. Рассказчик повествует о реальной действительности, где лягушка – обычное земноводное. Герой воспринимает реальность в фантастическом ключе, следовательно, лягушка в ипостаси девушки-подростка является проекцией внутреннего мира и любовных неудач героя.

Таким образом, мифопоэтика рассказа «Любовь зла» заключается в его интертекстуальной связи с русскими фольклорными текстами – сказкой «Царевна-лягушка» и загадками, а в более широком историко-культурном контексте с текстами мирового фольклора посредством коррелирующих интерпретаций образа. В фольклоре образ лягушки имел значение тотема, в рассказе «Любовь зла»

А.А. Кабакова лягушка является знаком внутреннего изменения психики героя. Авторская интенция – показать слом сознания героя, раздвоение его личности в условиях современного общества – реализуется при помощи сталкивания рассказа с интертекстом, двухплановой повествовательной модели, психологизма и иронии. Потребность в любви сохраняется, но герой не находит ее в людях, поэтому влюбляется в земноводное, теряет связь с реальностью и сходит с ума.

Библиографический список

1. Бедзир Н.П. Лекции по методологии литературоведческих исследований. URL: <http://nataliabedzir.com/category/kursy-lektsiy/teorija-i-metodologija-literatury/>.
2. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 342 с.
3. Жучкова А. В. Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. 2014. №4 (34). С.107 – 115.
4. Кабаков А.А. Любовь зла // Московские сказки. М.: Варгиус, 2005. С. 141 – 172.
5. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. М.: Флинта, 2015. 326 с.
6. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Спб.: Типография Н.А. Лебедева, 1876. 333 с.
7. Царевна-лягушка // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 260–267.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРАЗОВ МИФИЧЕСКИХ ЛЮБОВНИКОВ В БЫЛИЧКАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

TYPOLOGICAL AND PERSONAL FEATURES OF THE CHARACTERS OF THE MYTHICAL LOVERS IN THE TRUE STORIES OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

В.Г. Обухова

V.G. Obuhova

Научный руководитель **Н.А. Новоселова**
Scientific director **O.N. Novoselova**

Фольклор, былички, мифический любовник, покойник, черт, змей.

В статье определяются типологические и индивидуальные черты образов мифических любовников в быличках Красноярского края. Устанавливаются причины их появления и способы избавления в фольклорной традиции края.

Folklore, little stories, mythical lover, dead, devil, the serpent.

The article defines the typological and individual characteristics of different images of the mythical lovers in the true stories of the Krasnoyarsk territory. Are the causes of their occurrence and the methods of disposal in the folklore tradition.

В мифологической прозе разных регионов существует тема «Мифический любовник». Не стала исключением и фольклорная традиция Красноярского края. Об этом свидетельствует хрестоматия Н.А. Новоселовой и С.В. Калининой «Мифологическая проза славянского населения Красноярского края». В предисловиях к опубликованным текстам авторы выделяют основные типы мифических гостей: а) черт [Новоселова, Калинина, 2017, с. 60–63], б) покойник [Новоселова, Калинина, 2017, с. 97–98], в) змей [Новоселова, Калинина, 2017, с. 129–131]. Однако типологические сходжения между данными персонажами не были предметом специального исследования.

Цель нашей работы – определить типологические и индивидуальные черты образов мифических любовников.

Наше исследование базировалось на упомянутой выше хрестоматии, которая содержит 463 былички. Однако о мифических любовниках повествуется лишь в 32 быличках. Далее в квадратных скобках указываются страницы этого издания.

Общим для названных мифологических персонажей является то, что чаще всего они приходят к людям, потерявшим близких или глубоко страдающим от разлуки. Можно согласиться с авторами хрестоматии в том, что в народе чрезмерное проявление чувств воспринимали как аномальное: ведь именно сильные эмоции и сосредоточенность на них вызывали появление нечистой силы [Новоселова, Калинина, 2017, с. 244].

Сборник содержит 92 былички о черте, в 8 из которых нечисть приходит в образе мифического любовника. Чаще всего черт появляется в виде близких людей. При этом реальный человек может быть живым: находиться на фронте или в отъезде: «У одной женщины муж зимой поздно ушел в кино, она не дождалась его и спать легла. Слышит, «муж» подошел, лег, обнял ее, она его одеялом накрыла. И вдруг из-за двери голос мужа послышался. Она оборачивается, кровать холодная и нет никого» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 73].

Традиционно черт искушает женщин и является в образе мужчины. Однако в начале XX в. на Ангаре была зафиксирована быличка, в которой черт принял женский облик: «Вот кто-то заходит. Сначала я не признал, а потом вижу: будто баба моя, жена, стало быть. И спрашиваю ее: «Ты, мол, по чево, Анисья, пришла сюда, разь дома чево неладно?! А она мне: «Да пришла, мол, проведать тебя». А сама сняла лопотину – и лопотина-то ея, вся как есть ея! – да и лежитца рядом со мной. На уме – хочет спать со мной. Ну имели мы с ней грех, ну, сам знаешь, какой грех у мужика с бабой бывает, ковды рядом лежат. Утре встала она, оделась и ушла <...>» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 73]. По возвращении домой рассказчик спросил у жены, приходила ли она к нему, на что та дала отрицательный ответ. После того случая мужчина сильно занемог и пролежал в постели три года.

В сюжетах о покойниках данный персонаж приходит к тоскующим вдовам и вдовцам. При этом он может принимать образы мужа / жены / невесты/ жениха: «Умер у одной женщины муж. У них было трое детей, и они очень хорошо жили. Она очень скучала. И стал к ней «муж» каждую ночь приходить. Она сначала об этом никому не говорила. Но потом ей стало страшно: ведь он умер, почему же приходит?» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 122].

Что касается змея, то его образ в быличках Красноярского края факультативен. В книге содержится 21 быличка о змее, и только в одной он предстает в образе мифического любовника. Согласно тексту, змей-любовник, как и другие представители нечистой силы, прилетает к тоскующей по покойному мужу женщине. Текст, записанный от первого лица, повествует о женщине, которая так тосковала после кончины супруга, что к ней стал приходить змей и вступать с ней в любовную связь: «До тех пор он доходился – как я змеенка не родила! Он со мной спал, весь как мужик, и разговор как у мужика, и угощает меня сушками, я беру и ем» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 133].

Согласно быличкам, мифический гость по-разному взаимодействует со своей жертвой. Одни сущности зовут человека к себе, другие активно вступают в диалог. В быличке о черте говорится: «И вот к ней он стал приходить по ночам разговаривать. С нею до рассвета поговорит, а потом исчезает» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 77].

В двух быличках повествуется о том, что нечисть приходит для совместного ужина, и еще в трех – ложится спать рядом. Чаще всего нечистая сила неоднократно навещает свою жертву [Новоселова, Калинина, 2017, с. 75]. Общей чертой текстов являются последствия встречи с мифическим существом: люди заболели, бледнели, худели. Особенно тяжело, по словам свидетелей, переносилась

физическая близость. Человек «сох», буквально таял на глазах: «К нашей племяннице черт повадился ходить. А ей уже двадцать два года было. Бедная была, никто замуж и не брал. <...> Племянница моя совсем неживая стала, замучил он ее» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 75].

Сам человек может не заметить происходящих изменений, но их видят окружающие, которые не оставляют человека наедине с inferнальными «гостями», а стараются помочь советами или действиями. Соседи и близкие отводили страдающих людей в церковь, чертили кресты на дверях и окнах, давали христинские обереги (крестики, ладанки, святую воду), зажигали церковные свечи, окуривали ими помещение. В одном тексте повествуется о мужчине, который сильно тосковал по умершей жене, и соседи заметили, что в его доме происходят нечистые вещи: «И наша мама на следующую ночь пошла ночевать к ним. В полночь раздался какой-то шум, полетели по полу камни, посыпались искры. <...> На другой день мама пошла к попу и попросила у него молитвы. Когда сосед спал, привязала эти молитвы к его крестику» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 119].

Спасти жертву могли не только христианские обереги, но и действия с определенными растениями. Так, некоторые девушки клали в постель коноплю или ели конопляное семя: «У одной бабы мужик умер. Тосковала она по нему сильно, и «он» к ней каждый день ходил. Она ему чай грела, потом они с ним вместе жили. <...> Насоветовали ей конопляное семя есть. Вот приходит он к ней опять. Она все окна, двери закрыла и перекрестила. Сама села на порог и стала семя есть. А он и говорит ей: «Пропастина ты, вшей своих ешь!» И сказал, уходя: «Счастливая ты, спаслась от меня». Больше не ходил он» [Новоселова, Калинина, 2017, с. 75].

Согласно быличкам, проще всего избавиться от черта. Для этого достаточно обнаружить истинную сущность гостя, например, уронив на пол вилку или ложку [Новоселова, Калинина, 2017, с. 72, с. 75]. Нагнувшись за столовым прибором, люди замечали «козлиные копыта и хвосты», «ноги бычачьи». Труднее всего было отвадить «приходящего» покойника.

Подведя итог, можно сказать, что образ мифологического любовника в основном имеет типологический характер, он одинаково функционален, независимо от рода сущности. Специфической чертой является облик персонажа и способы избавления от него.

Библиографический список

1. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: хрестоматия: в 2 т. Т. 2. Рассказы о духах природы, нечистой силе, кладах, предсказаниях / сост. Н.А. Новоселова, С.В. Калинина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2017. 244 с.
2. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Черепанова О.А. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Наука, 1996. 212 с.
3. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизация образов. СПб.: Наука, 2001. 256 с.
4. Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях; мифический любовник. Омск: Омский гос. педагогический ин-т. 2000. 261 с.

ФУНКЦИИ АБСУРДА В РАССКАЗАХ КСЕНИИ ДРАГУНСКОЙ

ABSURDITY FUNCTION IN THE STORIES BY KSENIA DRAGUNSKAYA

К.А. Суровцева

K.A. Surovtseva

Научный руководитель **Н.В. Уминова**

Scientific director **N.V. Uminova**

Современные детские писатели, истоки детской абсурдистской литературы, разрушение стереотипов мышления и восприятия, психотерапия, воспитательная функция.

В статье описаны функции абсурда в рассказах из сборника Ксении Драгунской «Целоваться запрещено!». Показано обращение к поэтике абсурда как тенденции современной литературы. В статье обозначены традиции абсурда в литературе. В выводе автор работы приходит к мнению, что Ксения Драгунская выступает против тотального рационализма современной эпохи, поглотившего и детское сознание.

Modern children's writers, origins of children collection of absurdist literature, the destruction of stereotypes of thinking and perception, psychotherapy, educational function.

The article describes the functions of absurdity in the stories from the collection Ksenia Dragunskaya «Kissing is forbidden!». The appeal to the poetics of the absurd as a trend of modern literature is shown. The article defines the traditions of absurdity in literature. In the conclusion, the author of the work comes to the conclusion that Kseniya Dragunskaya opposes the total rationalism of the modern era, which has absorbed the child's consciousness.

Особенности современной детской литературы рассматриваются в работах Т.О. Бобиной [URL: Бобина], М.А. Черняк [URL: Черняк], И.Г. Минераловой [Минералова, 2002], Н.В. Уминовой [Уминова, 2017] и др. Многие исследователи отмечают, что абсурд – одна из центральных тенденций современной детской литературы. Г. Остер, Л. Петрушевская, К. Драгунская, А. Гиваргизов и др. включают в свои произведения абсурдистское начало. Но создание абсурдного мира имеет свои истоки. Классиками абсурда являются английские авторы XIX в. Эдвард Лир (известен стихотворным жанром лимерик – пятистишие абсурдистского содержания) и Льюис Кэрролл. После Второй мировой войны в европейской литературе возникает явление «театр абсурда» (Эжен Ионеско и Сэмюэл Беккет и т.д.). Параллельно с европейской возникает и русская литература абсурда. Прежде всего имеется в виду творчество ОБЭРИУ (Даниил Хармс). Развитию культуры абсурда во многом способствовала культура постмодернизма, произведения которой не вмещаются в традиционные представления о жанрах и стилях.

Тексты детской литературы, в которых сильны традиции абсурда, неоднозначны в восприятии родителей и их детей. В таких произведениях не описано

идеальное поведение героев, не дан образец для подражания, поэтому взрослые читатели с рационалистических позиций называют такие тексты бесполезными, а иногда и вредными. Но детей привлекает отсутствие показной назидательности и свобода самостоятельно делать выводы.

Неоднозначность понимания таких произведений рождает вопрос об их функциональном наполнении. Для детской абсурдистской литературы важными являются следующие функции: разрушение стереотипов мышления и восприятия; психотерапия т. е. обеспечение положительного эмоционального заряда; воспитательная функция.

Достаточно изучены «Вредные советы» Григория Остера, а остальным детским авторам внимание практически не уделяется. Один из таких писателей – Ксения Драгунская.

Первая реакция от ее рассказов – смех. Но потом становится понятно, что за этими шутками кроется смысл. Драгунская говорит о серьезных вещах не серьезно, поэтому они так легко и незаметно улавливаются читателями (здесь проявляется воспитательная функция абсурда). Дети впитывают в себя простые истины, несоблюдение которых ведет к нелепым последствиям: снег есть нельзя – станешь тортиком («Заколдованный снег»), обижать кого-то и быть противным – нехорошо – превратишься в девчонку или появятся большие кудрявые усы («Как я стала девочкой», «Противные старушки»), кидаться котлетами – плохо – они могут попасть в сумочку учительницы музыки («Прыгучие котлеты») и т.д.

На современных детей родители возлагают завышенные ожидания, поэтому ребенок чувствует страх неудачи в школе, боится совершить ошибку при педагоге. В связи с этим Драгунская создает особый образ рассказчика, который понимает все самые сокровенные ребяческие желания и тревоги. Писательница и про детские мечты не забывает: в мире ее рассказов можно изобрести устройство для подглядывания кошачьих снов («Кошачьи сны»), выпить несколько стаканов газированной воды и взлететь («Очень мявная история»). Все это обеспечивает положительный эмоциональный заряд (т. е. психотерапевтическая функция).

Несомненно, рассказы Драгунской способствуют развитию фантазии, разрушению стереотипов мышления и восприятия. Писательница играет с идиомами: с детской естественностью, буквально, рассказчик и его герои используют и интерпретируют фразеологизмы: суп с котом, ерунда на постном масле, отдать в хорошие руки. На фоне реальных и совершенно обычных событий происходят волшебство или чепуха: идя на занятия в школу, можно попасть на день рождения к дереву или, гуляя по «Детскому миру», можешь стать обладателем больших кудрявых усов. Автор свободно применяет придуманные детские слова: «прикошачить», «мявно», «поедатель снега», «меховой урчатель». Драгунская изображает взрослых как детей: они радуются тортику, лазают по деревьям, шуршат желтыми листьями и подфутболивают их башмаком.

Таким образом, Драгунская в своих рассказах создает мир, свободный от всего серьезного, грустного и рационального. Важно, что на обложке сборника на-

писано в скобках «Для детей и взрослых». Для первых – это терапия. Драгунская верит в них, поэтому и изображает ребенка находчивее и настойчивее, чем родителя. А для вторых – это повод понять, что жизнь их чада сложна и что они нуждаются в помощи и поддержке, и что нужно трепетно относиться к детству, ведь каждый был когда-то маленьким. Драгунская показывает, что тотальный рационализм современной эпохи поглотил и детское сознание. Детство – это беззаботное время, которое нельзя отнимать у мальчиков и девочек.

Библиографический список

1. Бобина Т.О. Пародийно-игровое начало в современной детской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uraledu.ru/files/Пародийно-игровое%20начало%20в%20современной%20детской%20книге.doc> (дата обращения: 7 мая 2017 года).
2. Драгунская Ксения. Целоваться запрещено! [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/247852-celovatsya-zapreshheno-sbornik.html> (дата обращения: 5 марта 2017 года).
3. Минералова И.Г. Детская литература / учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2002. 176 с.
4. Уминова Н.В. Особенности разработки элективного курса «Школьная тема в современной литературе» в рамках предпрофильной подготовки учащихся // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 1. С. 39–42.
5. Черняк М.А. Школа как реальность: опыт современной прозы [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/project/conf/txt/013/det-lit.pdf> [Дата обращения 11 мая 2017 года].

ПОЭЗИЯ МАРИНЫ БОРОДИЦКОЙ В СИСТЕМЕ ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ

POETRY OF MARINA BORODITSKY IN THE SYSTEM OF ADOLESCENT-YOUTH READING

Е.И. Трухина

E.I. Trukhina

Научный руководитель **Н.В. Уминова**

Scientific director **N.V. Uminova**

Уроки внеклассного чтения, уроки элективного курса, изучение поэзии в школе, поэтический сборник, современная поэзия, современная школа, школьная тема, первая любовь, философский мотив, язык детства, навык чтения, интерес к чтению, подростковый возраст.

В статье обсуждаются возможности и перспективы изучения современной детско-юношеской поэзии в школе. Представляется авторское видение уроков внеклассного чтения и занятий элективного курса в 5–11 классах на базе поэтических сборников Марины Бородинской. Обосновывается потребность обращения школьников к современной поэзии, написанной для детей и юношества, а также необходимость формирования у школьников интереса и любви к чтению.

Lessons of extracurricular reading, lessons of the elective course, studying of poetry in school, poetry collection, modern poetry, modern school, school theme, first love, philosophical motive, language of childhood, reading skills, interest in reading, adolescence.

The article discusses the possibilities and prospects for studying contemporary children's and youthful poetry in school. The author's vision of lessons of extracurricular reading and elective classes in 5 – 11 classes is presented on the basis of Marina Boroditskaya's poetry collections. The need for the appeal to schoolchildren to modern poetry written for children and youth is grounded, as well as the need to form interest and love for reading.

Опыт преподавания литературы для учеников подросткового возраста в современной школе показывает, что тексты, написанные сегодня, вызывают читательский интерес учеников ничуть не меньше, чем классическая литература, но школьная программа не включает подобные произведения в процесс изучения литературы в школе. Необходимо учесть, что обращение к качественной современной литературе способствует формированию интереса к чтению у подростка. Подобную проблему неоднократно рассматривали Абдуллина Т.Х. [Абдуллина, 2016], Кучина Т.Г. [Кучина, 2013], Уминова Н.В. [Уминова, 2017] и др., следовательно, изучение современной детской литературы является на сегодняшний день актуальным вопросом методики обучения литературе.

На уроках внеклассного чтения в 5–7 классах предлагаем сосредоточить внимание школьников среднего звена на современной поэзии Марины Бородинской, посвященной школе и учению. Обратимся к поэтическим сборникам «Послед-

ний день учения», «Думай, думай, голова!», «Убежало молоко» [Бородицкая, 2012], «Прогульщик и прогульщица» [Бородицкая, 2007]. Это необходимо сделать по нескольким причинам: во-первых, школьная тема – одна из главных тем современной литературы для детей и подростков; во-вторых, школа – это та среда, в которой проходит немалая часть жизни современного подростка, и взглянуть на школу со стороны, глазами поэтов, совершенно необходимо.

«Прогульщик и прогульщица» – стихотворение, давшее название всей книге, – это трогательная история первой любви. Школьная любовь – еще одна новая тема в современной поэзии для детей.

На стихотворениях лирической книги «Ода близорукости» [Бородицкая, 2009] мы предлагаем сосредоточиться на уроках внеклассного чтения в старших классах или занятиях элективного курса, посвященного изучению современной поэзии. Эта книга совершенно очевидно ориентирована на классическую поэтическую традицию: она по преимуществу выдержана в силлаботонической ритмической системе, постоянным собеседником Бородицкой оказывается А.С. Пушкин, причем тексты, к которым апеллирует Бородицкая, ученикам знакомы – это его стихотворения о поэте и поэзии. Кроме того, одним из ключевых мотивов лирической книги Бородицкой оказываются мотивы дома и одомашнивания культуры, подчеркивающие значимость Дома и Семьи как коренных ценностей человеческого существования. Наконец, книга представляет размышление над философскими вопросами о смысле жизни и смерти, способах остаться бессмертным.

Демонстрируя на слайдах рядом с текстом Бородицкой фрагменты стихотворений предшественников, которые «проступают» у современного автора, учитель может достичь еще одной цели – продемонстрировать преемственность культур, диалог поэтов-современников с предшественниками.

Итак, можно говорить о том, что произведения Марины Бородицкой как нельзя лучше соответствуют задаче ознакомления учащихся с современной поэзией. Стихи поэтессы необходимо изучать на уроках внеклассного чтения, так как их тематика соответствует интересам учеников. В творчестве поэтессы часты отсылки к лирике А.С. Пушкина, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой; Бородицкая вступает в диалог с целыми стилевыми традициями, играет ими, в частности с эпикурейской романтической лирикой начала XIX в., традициями бардовской песни 1960–1970-х гг., поэтессами современницами (Н. Ванханен, Т. Бек).

Если дать ребенку, подростку читать то, что ему близко, – современных авторов – то, поняв прелесть чтения и имея соответствующий навык, школьник впоследствии обязательно будет читать самостоятельно как современную, так и классическую литературу.

Библиографический список

1. Абдуллина Т.Х. Современная русская литература: элективный курс для учащихся 10 класса. URL: <http://www.openclass.ru/node/698> (дата обращения: 20.11.2016).
2. Бородицкая М.Я. Ода близорукости. М.: Время, 2009.

3. Бородицкая М. Марина Бородицкая: «Многое в детской литературе пишется словами цвета и вкуса промокашки» [беседа с писательницей Мариной Бородицкой] / Марина Бородицкая; записала Елена Калашникова // Литература: Прил. к газ. «Первое сент.». 2009. № 12. С. 7–10.
4. Бородицкая М.Я. Прогульщик и прогульщица: стихи для детей и не только. М.: Самокат, 2007. 79 с.
5. Бородицкая М.Я. Убежало молоко: стихи. М.: Планета детства, 2012. 16 с.
6. Классики. Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 59.
7. Кучина Т.Г. Современный отечественный литературный процесс: элективный курс. URL: <http://vospitatel.edu54.ru/node/3716> (дата обращения: 20.06.2013).
8. Русская поэзия – детям: в 2 т. / сост., подгот. текста, библиогр. справки и примеч. Е.О. Путиловой. СПб.: Академический проект, 1997.
9. Уминова Н.В. Особенности разработки элективного курса «Школьная тема в современной литературе» в рамках предпрофильной подготовки учащихся // Вестник КГПУ. 2017. № 1. С. 39–42.

Раздел II. ЛИНГВИСТИКА

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ПЕРСОНАЖА И ЕГО ЭМОТИВНОГО ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»)

TO THE QUESTION OF THE INTERDEPENDENCE OF THE EXTERNAL CHARACTER OF CHARACTER AND ITS EMOTIVE PORTRAIT (ON THE MATERIAL OF THE ROMAN «WE» BY E. ZAMYATIN)

Е.М. Белоусова

E.M. Belousova

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific director **I.V. Revenko**

Базовые эмоции, эмотивность, эмотивная лексика, психологический портрет персонажа, эмотивный портрет персонажа.

В статье говорится о языковой категории эмотивности в художественном тексте. Рассматривается функция категории эмотивности в восприятии персонажей художественного текста на примере сопоставления образов главных героинь романа Е.И. Замятина «Мы».

Basic emotions, emotiveness, emotional vocabulary, psychological portrait of the character, emotive portrait of the character.

This article refers to the language emotive category in art text. Discusses the function of the emotive category in the perception of characters in artistic text on the example of comparison of images of the main heroines of the novel of E. I. Zamyatin «We».

Человек, по словам Г.А. Золотовой, является «центральной фигурой языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова, 1982, с. 5]. В процессе интерпретации мира человек выражает к его отдельным объектам, их качествам, свойствам и т.п. свое эмоциональное отношение.

«Эмоции кратковременны и ситуативны» [Рыбникова, 2010, с. 131]. Современной науке известно огромное количество человеческих эмоций и их проявлений. Ученым удалось определить категорию базовых эмоций, то есть эмо-

ций – которые присущи всем здоровым людям и которые одинаково проявляются у представителей самых разных культур, проживающих на разных континентах. Конкретное количество базовых эмоций не установлено, но многие исследователи относят к ним такие, как радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, смущение и любовь.

На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность; эмоция – психологическая категория, а эмотивность – языковая [Шаховский, 2009, с. 13]. Результатом отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации является эмотивный компонент.

«Важным для изучения эмотивности в аспекте лингвистики текста является вопрос о функциях, которые данная категория в нем реализует» [Ревенко, 2016, с. 180]. Л.Г. Бабенко выделяет частные текстовые функции эмотивной лексики и одна из них – это создание психологического портрета образа персонажей («описательно-характерологическая функция») [Бабенко, 2009, с. 155].

Таким образом, внутренний (психологический) портрет персонажа, а именно его мысли, желания, создается в том числе с помощью эмотивной лексики.

Читатель формирует для себя образ персонажа на основе собственных литературоведческих знаний, опыта и, конечно, исходя из внешних и внутренних характеристик героя, которыми его наделил автор.

Одним из приемов создания персонажа художественного литературного произведения является его внешняя характеристика, или портрет – описание внешности, манеры, голос и пр. Из портретного описания могут следовать некоторые психологические характеристики и предполагаемая линия поведения, которые могут совпадать или не совпадать с ожиданиями, таким образом, раскрывая личность персонажа с новых сторон.

В рамках данной статьи мы акцентируем внимание на взаимосвязи внешнего облика персонажа с его эмоциональным поведением.

Для практического рассмотрения данной концепции нами был выбран роман-антиутопия Е.И. Замятина «Мы». Мы рассмотрели женские персонажи романа, поскольку, во-первых, описание мужских персонажей встречается гораздо реже и менее детально. Во-вторых, именно женщины являются катализатором большинства действий главного героя романа Д-503. В-третьих, существует некий стереотип о том, что женщины эмоциональнее мужчин, и мы в ходе своего исследования хотели посмотреть, отражается ли он в романе, поскольку в антиутопии описано государство, цель которого заключается в обезличивании человека, что непосредственно связано с избавлением его от эмоций.

Героини I-330 и O-90 противоположны друг другу внешне и внутренне. Лейт-мотивами O становятся окружность и синий цвет (т. е. цвет ее глаз). «Круглое» начало в O подчеркивается и формой ее тела, и самим именем: «О, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке», «Круглые, крошечные руки у меня на рукаве, круглые синие глаза: это она, O». Для героини I-330 определяющей фигурой становится прямая или ее часть – отрезок. Математические единицы во-

обще характерны для описания внешности этой героини: «*В глазах или в бровях какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение*», «*Я знаю этот упругий стан, гибкий, как хлыст, хлеиущий голос – и где-нибудь там вздернутый к вискам острый треугольник бровей*». Если за героиней О-90 закреплен голубой, синий цвет, то за I-330 белый: «*Белые – необычайно белые и острые зубы...*» И само поведение героини острое, резкое.

Героини разные не только внешне, но и эмоционально, они – два противоположных типа человека. О-90 по-детски, робка, нежна: «Я бы так хотела сегодня прийти к вам, опустить шторы. Именно сегодня сейчас... – **робко подняла на меня ... глаза**» Так проявляется эмоция смущения. Или, О-90 **плачет**, когда хочет заговорить о ребенке. Эта проблема ее гложет, постоянно расстраивает, отказы Д-503 заставляют чувствовать боль: «**Милый Дэ, если бы** только вы – **если бы...**» Вновь мы можем наблюдать эмоцию смущения, плач – проявление печали.

I-330 – упряма, резка, тон ее речи уверенный, и надрыва нет, ее ничто не смущает: «**И смеялась** очень странно и долго. Потом **пристально** посмотрела на меня... я с вами совершенно спокойна... вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю ... Какой **наглый и издевающийся тон**» В этих словах звучит издевка, эмоция – презрения.

Ей вообще не свойственна нежность, даже в любовных отношениях, поскольку мы до конца так и не понимаем, была ли ее любовь искренна по отношению к главному герою. На протяжении романа в нескольких сценах I кладет руки на плечи Д, показывая тем самым овладение им, или же берет его лицо в свои руки: «**И положила мне руки на плечи**», «**Она взяла мое лицо – всего меня – в свои ладони**». Подобные жесты можно расценить как искреннюю любовь по отношению к главному герою, или же это является гениальной невербальной манипуляцией, которая, как и языковая, имеет своей целью «изменение совокупности убеждений и особенностей мышления» человека [Бизюков, 2012, с. 222].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что эмотивные портреты рассмотренных персонажей романа Е.И. Замятина «Мы» соответствуют их внешнему облику.

Следует заметить, что в романе эти женщины не оказываются в одинаковых обстоятельствах, или же действие описано так, что героине не отводится ни слов, ни действий, поэтому судить об эмотивности крайне сложно. Персонажи романа это некие схемы, какими их представляет главный герой Д-503, и весь мир романа-антиутопии схематичен, математичен, освобожден от постоянства проявлений человеческих эмоций. Но даже эта особенность не мешает прийти к выводу о том, что человеческие эмоции индивидуальны, проявляются по-разному у каждого человека, и даже машина антиутопического государства не способна подавить это природное начало человека.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. М.: Флинта; Наука, 2009. 496 с.

2. Бизюков Н.В. Искусство речевого манипулятора в теоретическом аспекте (на примере автора публицистического дискурса) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 3 (21). 412 с.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
4. Мы: Роман, повести, рассказы / вступ. ст. Н. Кольцовой; худож. С. Дергачев. М.: Дет. лит., 2005. 431 с.: ил. (Школьная б-ка)
5. Ревенко И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2 (36). 250 с.
6. Рыбникова Е.С. К проблеме дифференциации психических и эмоциональных состояний // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. 276 с.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2009. 208 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В МОЛОДЕЖНОЙ МЕДИАСРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ)

THE IMPLEMENTATION OF THE REGULATORY COMPONENT IN THE YOUTH MEDIA ENVIRONMENT (FUNDS ON THE MATERIALS OF THE SCHOOL OF JOURNALISTICS FOR THE HIGH SCHOOLS)

Т.А. Богданова

T.A. Bogdanova

Научный руководитель **Н.А. Бурмакина**
Scientific director **O.N. Burmakina**

Русская речевая культура, лингвистический анализ, филологический анализ текста, стилистика, язык СМИ, методика преподавания, медиашкола, медийная картина мира.

Статья посвящена анализу ошибок в черновых вариантах сюжетов, написанных для молодежной программы г. Ачинска «ПРОдвижение» и новостного познавательно-развлекательного интернет-канала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева «KSPU TODAY» («КГПУ СЕГОДНЯ»). Описаны нормы современного русского языка и их реализация в медиасреде. На основе проведенного исследования создана методическая разработка школы журналистики для старшеклассников.

Russian speech culture, linguistic analysis, philological analysis of the text, stylistics, media language, teaching method, media school, media picture of the world.

The article is devoted to the analysis of mistakes in the drafts of scripts written for Achinsk town youth program «PROdvizhenie» (PROmotion) and the news cognitive-entertaining Internet channel of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. Astafyev «KSPU TODAY». Norms of the modern Russian language and their realization in media environment are also described. The methodical development of the media school is elaborated, based on the research.

Научные разработки в области культуры речи объективно отражают состояние лингвистической компетенции современных носителей языка, особенно удачны в этом отношении исследования дискурса телевизионных СМИ, что делает актуальными исследования А.Д. Васильева [Васильев, 2000] и других лингвистов, занимающихся динамикой речетворчества.

Предметом нашего исследования стали черновые варианты текстов сюжетов двух молодежных телевизионных программ: «ПРОдвижение» и «KSPU TODAY». Авторы молодежной программы г. Ачинска «ПРОдвижение» (выходила в эфир регионального телеканала «XXI Век» с 2008 по 2012) – школьники старших классов. Студенты стали инициаторами создания новостно-

го познавательного-развлекательного интернет-канала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева «KSPU TODAY» (временные рамки проанализированных работ с 2012 по 2017). Целевой аудиторией обеих программ является молодежь в возрасте от старших школьников и до выпускников вуза.

Всего нами проанализировано более 100 текстов, выделено более 150 контекстов с ошибками. В ранее опубликованных работах [Бурмакина, Богданова] мы приводили наиболее яркие примеры ошибок на каждый из исследованных уровней языка, а также предлагали правку с опорой на толковые словари и учебники культуры речи Розенталя Д.Э, Головина Б.Н., пособия по стилистике Кожиной М.Н., Голуба И.Б. и пр.

Мы наблюдали, как корреспонденты следуют общей языковой тенденции СМИ «говорить на одном языке со зрителем». В частности авторы молодежной программы «PROдвижение» г. Ачинска склонны использовать сленг в своих сюжетах, что далеко не всегда выглядит уместно. А.Д. Васильев обозначил это явление как «заколдованный круг» обращения языковых средств: постоянные телевизионные персонажи, нередко имеющие весьма приблизительные и к тому же своеобразные представления о культуре речи, мало задумываются об оформлении своих высказываний, говоря, по-видимому, так, как «говорят все»; «все» же, т. е. телезрители, находят в теледискурсе оправдание и поддержку собственному неряшливому словоупотреблению [Васильев, 2000, с. 5]. В следующей таблице мы готовы представить результаты нашего исследования:

Таблица

№ п/п	Языковой ярус	«KSPU TODAY»	«PROдвижение»	Общее количество ошибок за две программы
1	Лексика	29,20 %	21,00 %	24,00 %
2	Морфология	20,00 %	14,00 %	16,00 %
3	Синтаксис	21,60 %	23,00 %	22,00 %
4	Стилистика	7,60 %	13,00 %	12,00 %
5	Богатство речи	21,60 %	29,00 %	26,00 %

В качестве комментария к приведенным цифрам хотелось бы сказать, что на уровне лексики и морфологии корреспонденты студенческой программы совершили в процентном соотношении большее количество ошибок. По остальным трем критериям показатели значительно ниже. Стоит отметить, что на уровне стилистики студенты совершили в два раза меньше ошибок. Связано это с использованием сленга школьниками. Студенты в подготовке своих сюжетов подобного не допускали. Их стилистические промахи связаны, скорее, со злоупотреблением лексикой канцелярского или научного стиля, что легко объясняется их учебной работой в университете.

В рамках языковой картины мира выделяют также медийную картину мира. Как отметила Е.В. Осетрова: «Она отражает окружающий мир, пропущенный через призму средств массовой информации: печати, радио, телевидения и интернет-медиа» [Осетрова, Челушкина, 2016]. Это значит, что СМИ формируют наше восприятие окружающего мира, а также влияют на нашу речь. Этот факт приобретает еще большее значение, когда реципиент находится на этапе формирования личности. Отсюда повышенный интерес именно к молодежным СМИ.

В ходе работы мы пришли к выводу, что необходимо пойти дальше изучения ошибок их классификации и исправления. Стало ясно, что необходимо влиять на ситуацию, сломить ее в сторону уменьшения нарушений нормы. Это значит, необходимо повысить уровень лингвистической компетенции школьников, увлеченных журналистикой. Они уже прошли один из этапов профессионального самоопределения: осознали область профессиональных интересов. «Выбор профессии осуществляется исходя из многих причин и к нему стоит относиться как к одному из важнейших жизненных событий. Выделяют основные факторы, влияющие на выбор профессии, которые объединяют в две группы: субъективные и объективные. К субъективным относят интересы, способности, особенности темперамента и характера» [Пантелеева, 2016].

Именно поэтому было принято решение разработать методическую программу дистанционной школы журналистики для старшеклассников на базе Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. В основу методической разработки легли проанализированные контексты. В процессе создания онлайн-уроков для обозначенной школы журналистики они были преобразованы в упражнения, которые в свою очередь обращали бы внимание юных корреспондентов на наиболее частые нарушения норм в работах их коллег. Приведем пример одного из заданий.

Представьте, что вы редактор молодежного отдела газеты или телекомпании. Вам нужно исправить ошибку и предложить редактуру следующего фрагмента:

*Всем известно, что такое 3Д, а вот **дать характеристику, эффекту 5Д** сможет далеко не каждый, начинаем ПРООсвещатьсь. Эффект **осуществляется с помощью применения** жидкокристаллических очков нового поколения, происходит полная визуализация 3-х мерного пространства.*

В одном упражнении может быть предложено несколько контекстов. Разработанная нами медиашкола предполагает дистанционное обучение с активным использованием интернет-ресурсов, а также современных программных разработок для смартфонов и планшетов. Данная программа направлена как на углубление знаний учащихся в направлении журналистики, так и культуры речи в целом. Здесь будущие журналисты научатся работать в информационном медиаполе, грамотно выражать свои мысли. Они почувствуют себя включенными в систему коммуникации общества. Благодаря данной программе объединяются подростки, которые желают быть успешными в области общения, развития речи, но по каким-либо причинам не имеют возможности сделать это в рамках своего населенного пункта.

Библиографический список

1. Бурмакина Н.А., Богданова Т.А. Реализация нормативного компонента в молодежной медиасреде. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-normativnogo-komponenta-v-molodyozhnoy-mediasrede>
2. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: КГПУ, 2000. 166 с.
3. Осетрова Е.В., Челушкина М.В. Лексика интенсивности на материале текстов сценариев в медийной картине мира // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2. С. 158–162.
4. Пантелеева О.О. Определение ключевых мотивов самоопределения старшеклассников на основе мониторинга их профессиональной ориентации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016 № 2. С. 134–138.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

PRECEDENT NAMES IN THE ROMAN T. TOLSTOY «KYS»

Т.С. Боровик

T.S. Borovik

Научный руководитель **В.И. Пухутина**

Scientific director **V.I. Pihutina**

Прецедентные имена, антропонимы, топонимы, идеонимы, личное имя собственное, художественный текст.

Статья посвящена рассмотрению состава и функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте. На материале романа Т. Толстой «Кысь» показано, как разные группы прецедентных имен помогают сформировать структуру романа и образы в произведении.

Precedent names, anthroponyms, toponyms, ideonyms, personal name own, artistic text.

The article is devoted to the consideration of the composition and functioning of culturally significant anthroponyms in the literary text. On the material of T. Tolstoy's novel «Kys» it is shown how different groups of precedent names help to form the structure of the novel and the images in the work.

В современной литературе, особенно в постмодернистском тексте, большое значение имеют прецедентные феномены. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные феномены как явления, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращения к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987, с. 216].

Теоретически прецедентным может стать почти любая категория имени собственного. «Многие имена вследствие ограниченности национальных антропонимиконов оказываются прецедентными и даже высокопрецедентными; то же можно сказать и о фамилиях» [Васильев, 2013, с. 112].

В романе Т. Толстой «Кысь» прецедентные феномены являются одним из основных способов раскрытия авторского замысла и среди них можно выделить несколько тематических групп прецедентных имен: 1) антропонимы; 2) топонимы; 3) идеонимы.

Самой многочисленной группой являются прецедентные антропонимы — «имена собственные, связанные с широко известной ситуацией и / или фиксированным комплексом определенных качеств, способные регулярно употребляться интенционально (денотативно)» [Захаренко, Гудков и др., 2004, с. 23].

В произведении встречается четыре группы прецедентных антропонимов: фамилии (24 единицы); имена без фамилий (5 единиц); имена разных тематиче-

ских групп, употребляемые в одном контексте (20 единиц); имена, употребление которых трудно интерпретировать (более 50 единиц).

В тексте, например, идет отсылка к имени Федора Михайловича Достоевского: *«Вспомним Достоевского. Всему миру погибнуть, а мне чтоб чай пить»* [Толстая, 2002, с. 133]. О Достоевском упоминается как об авторе «Записок из подполья», откуда герой дает неточную цитату, выражающую крайнюю степень эгоизма. Это помогает передать взгляд героев на историю: *«Господа, это символично: мир гибнет, но мясорубка неразрушима. Мясорубка истории. И здесь я позволю себе не согласиться с представителем общества охраны памятников, – опять покривился. – Мясорубка, господа. Со сменными насадками. Но все та же. Только насадки поменялись. А свобод как не было, так и нет»* [Толстая, 2002, с. 133].

Вторая группа прецедентных имен – идеонимы – совокупность имен собственных, связанных с человеческой деятельностью. Поскольку идеонимы связаны с духовной сферой человеческой деятельности, в романе они также достаточно частотны (36 единиц).

В тексте мы встречаем упоминание сказки «Репка»: «– А еще бы не верно. Теперь следи. «Репку» читал? Переписывал?

– Сказку? Читал: посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая.

– Но. Только это не сказка. А притча.

– Что значит притча?

– Притча есть руководящее указание в облегченной для народа форме.

– И чего ж тут указано? – удивился Бенедикт.

– А вот плохо ты читал! Тянет дед репку, а вытянуть не может. Позвал бабку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Еще других позвали. Без толку. Позвали мышку, – и вытянули репку. Как сие понимать? А так и понимать, что без мыши – никуда. Мышь – наша опора!» [Толстая, 2002, с.188].

Т. Толстая играет со смыслом всем знакомой сказки. Тесть главного героя интерпретирует «притчу», исходя из реалий в мире после взрыва: смысл сказки сводится к тому, что мышь, которая сейчас является основным продуктом питания, является краеугольным камнем. Производство лишается иносказательности, приобретая сугубо социальное значение.

Третья группа прецедентных имен – прецедентные топонимы – имена собственные, обозначающие собственное название географического объекта, значимого для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер. Дифференциальные признаки могут быть представлены такими характеристиками, как масштабы географического объекта, значимость, особенности создания [Красных, 2002, с. 98]. В романе было выявлено 13 прецедентных топонимов, среди которых «Москва»: «А зовется наш город, родная сторонка, – Федор-Кузьмичск, а до того, говорит матушка, звался Иван-Порфирьичск, а еще до того – Сергей-Сергеичск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде – Москва» [Толстая, 2002, с. 18].

Сегодня Москва – столица Российской Федерации, современный город с развитыми государственной и культурной сферами. Т. Толстая намеренно берет прецедентное название города, являющегося вершиной развития цивилизации в России, и стирает все признаки и достижения человеческой культуры, уничтожает саму память о великом городе.

Соотношение знаний о Москве «до взрыва» и Москве «после взрыва» помогает осознать масштабы культурной и человеческой трагедии, которую изображает автор в романе.

Таким образом, прецедентные имена пронизывают текст романа-антиутопии, образуя своеобразный каркас произведения и создавая образы героев и мира. Каждая группа онимов участвует в формировании образа главного героя Бенедикта: раскрывает внутренний мир героя, показывает образ мышления, представления о нравственности и мироустройстве.

Большую роль прецедентные онимы играют и в создании картины мира после Взрыва. Образ формируется на противопоставлении людей, порядков, отношения и понимания произведений культуры в мире до и после Взрыва.

Все это достигается благодаря использованию разных групп онимов, которые выполняют текстообразующую и смыслообразующую функции и, следовательно, крайне важны для целостности текста и его понимания.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М.: Флинта, 2013. 342 с.
2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Брилева И.С. (ред.). Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004. 315 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
5. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова, 2002. 320 с.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЛЮБОВЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

THE ASSOCIATIVE FIELD «LOVE»
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE RUSSIANS LIVED
IN CENTRAL RUSSIA AND YENISEI SIBERIA

Е.Д. Гальмиз

E.D. Galmis

Научный руководитель **Т.В. Мамаева**
Scientific director **T.V. Mamaeva**

Психолингвистика, языковое сознание, ассоциативное поле.

В статье рассматривается структура ассоциативного поля «Любовь» и обосновываются причины количественных и качественных различий любви как ценности в языковом сознании русских Центральной России и Приенисейской Сибири на материале ассоциативных словарей.

Psycholinguistics, language awareness, associative field.

This article deals with the structure of the associative field «Love» and reasons for the quantitative and qualitative differences «love» in the linguistic consciousness of the Russians of Central Russia and Yenisei Siberia (reactions which are included in associative dictionaries RAS and EASPS).

Жизненные ценности являются предметом изучения многих наук. Ценности определяют мотивацию, норму и цель поведения. Они реализуются в том числе на уровне сознания и языка [Васильева, 2015, с.214]. По определению Е.Ф. Тарасова «Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000, с. 26].

Одной из базовых ценностей в жизни человека является любовь. И цель данной статьи – выявление психолингвистической характеристики понятия «любовь» в сознании жителей Центральной России и Приенисейской Сибири. Для достижения этой цели мы сравнили количественный и качественный состав ассоциативного поля «Любовь» в Русском ассоциативном словаре (далее РАС) [Караулов, Уфимцева, Черкасова и др.] и Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири (далее – ЭАСПС) [Васильев, Васильева, Шибаетов].

Ядерная зона ассоциативного поля «Любовь» включает реакции с частотой от 9 до 5 в РАС, от 14 до 7 в ЭАСПС. В РАС вошли реакции с первого взгляда 9,

до гроба 8, чувство 5, в ЭАСПС – чувство 14, морковь 10, сердце 8, зла 7. Как видим, общей является реакция «чувство», часть реакций и в РАС и в ЭАСПС представляет собой поговорки, пословицы: *любовь зла* (у сибиряков), *любовь с первого взгляда*, *любовь до гроба* (у жителей центра страны). Примечательно, что реакция «до гроба» представлена только частью поговорки, вторая ее половина «...дураки оба» или, как вариант, «... ты в гробу, а я у гроба», видимо уже не известны респондентам. Частотным оказалась и реакция сибиряков, связанная с названием фильма «*Любовь-морковь*», реакция «*сердце*», которая наверняка ассоциируется с устойчивыми выражениями «*любить всем сердцем*», «*от всего сердца*» и др.

В формировании представления о ментальности, о жизненных идеалах немаловажную роль представляет зона околядерная. Здесь есть как нейтральные, позитивные и негативные реакции:

– позитивные: в РАС – *счастье, радость*; в ЭАСПС – *счастье, радость, верность, взаимная, доверие*.

– негативные: в РАС – *безответная, горе, ненависть, разлука*; в ЭАСПС – *ненависть, глупость*.

– нейтральные: в РАС – *к женщине, пришла*; в ЭАСПС – *жена, жизнь, девушка*.

Говоря о жизненных ценностях, отмечаем, что в сознании сибиряков любовь ассоциируется с семейными ценностями. На это указывают реакции, связанные с членами семьи – «*жена*», «*семья*». Такие реакции не присутствуют у жителей Центральной России. В их сознании это более абстрактное понятие – *к женщине*. В РАС наблюдается реакция, связанная с конкретной фамилией – *Яровая* (имеется в виду государственный политический деятель Ирина Яровая) и не нуждающееся в пояснении слово *платоническая*. В ЭАСПС есть реакция, которая не наблюдается ни в одной зоне Русского словаря – *амур* (Бог любви в древнеримской мифологии).

В околядерной зоне обоих словарей мы видим реакцию *и голуби (5)*. Это может быть связано с популярным до сих пор советским фильмом «*Любовь и голуби*» (1984), чем и вызвана ассоциация. В РАС эта реакция дана с меньшей частотой (2), чем в ЭАСПС (5).

Периферийная зона обоих словарей включает 6 совпадений: *бывает, вера, вечная, первая, страдание, страсть*, остальные реакции различны: в РАС – связанные с дружбой (*друга*), с гороскопами (*знак зодиака*), с более широким понятием любви (*к жизни, к людям, молодость, смерть, стоит того, чтобы ждать*); в ЭАСПС – реакции, представляющие собой конкретные имена (*Костя, Артем, Паша*), увлечения (*к растениям, к музыке*), цвет (*красный*), часть пословицы (*не картошка*); реакция, связанная с религией (*Бог*), реакция на английском языке «*is stupid monkey*», другие реакции (*ответственность, забота*), отсутствующие в РАС. Различие реакций указывает на разную культуру, жизненные цели, понимания любви. В этой зоне ЭАСПС есть реакция *к детям* и *брак*, что еще раз подтверждает ценность семьи в сознании сибиряков. Отметим, что в РАС реакции

в большей степени стилистически нейтральные: *ложь, молодость, моя, настоящая, прошедшая, жизнь, земная*, в ЭАСПС наряду с нейтральными есть реакции сниженные: *мужик, бред, стремная* и др.

Обратные словари «от реакции к стимулу» дают всего 3 совпадения в первой десятке стимулов: *сердце, чувствовать, совет*, что объясняется разницей в общем количестве стимулов и количестве русскоязычных испытуемых массового ассоциативного эксперимента [Васильев, Васильева, Тимченко, 2015, с. 5]. В РАС ассоциации более поэтизированы: на слово *весна* дается реакция *любовь*, в ЭАСПС на этот же стимул – *тепло, лето, грязь*. Показательным является и стимул *патриотизм* в ЭАСПС, в РАС такой реакции нет, т. е. сибиряки более патриотичны, в отличие от жителей Центральной России.

Таким образом, для жителей Центральной России «любовь» более абстрактное, поэтизированное понятие, часто негативно окрашенное. Для сибиряков любовь связана с семейными ценностями, в основном это чувство, помогающее жить, как нечто вечное и светлое, что можно объяснить укладом жизни сибиряков, где традиционно ценится семья, дети.

Библиографический список

1. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 185 с.
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Шибяев М.В. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири. URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>
3. Васильева С.П. ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2. С. 214–220.
4. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
5. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М.: ИРЯз, 2000. С. 45–53.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИКЛЮЧЕНИИ «БОЛЬШОЙ И ДОБРЫЙ ВЕЛИКАН» ДАЛЯ РОАЛЬДА

OKKAZIONALNYE EDUCATION IN THE ADVENTURE OF THE «GREAT AND GOOD GREAT» DALY RALDA

М.В. Иванова

M.V. Ivanova

Научный руководитель **В.И. Пихутина**
Scientific director V.I. Pickutina

Окказионализмы, способы словообразования, художественный текст.

Статья посвящена рассмотрению состава и функционирования окказиональных образований в художественном тексте. На материале романа Д. Роальда выявлены основные структурные группы авторских новообразований.

Occasionalisms, ways of word formation, artistic text.

The article is devoted to the consideration of the composition and functioning of occasional formations in an artistic text. On the material of D.Roald's novel the basic structural groups of author's neoplasms are revealed.

При помощи индивидуально-авторских слов писатели вносят в произведения сознательное языковое новаторство, что не может не привлекать читателя. Особенно благодатной публикой в этом случае становятся дети, ведь они сами зачастую создают новые слова, полагаясь лишь на свое языковое чутье.

Окказионализмы – авторские новообразования разговорной или художественной речи, представляющие собой слова, не зафиксированные в литературном языке: *намакаронился, гербастый* [Самотик, 2012]. Они создаются для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом [Выразительные средства..., 2009] и позволяют автору кратко и емко выразить мысль и свое отношение, дать оценку происходящего. Использование словообразовательных окказионализмов в детской литературе помогает ребенку познавать язык через различные стилистические функции слов, развивает фантазию, логическое мышление.

Выявленные в приключении «Большой и Добрый Великан» Даля Роальда окказионализмы можно разделить на следующие группы:

1. Окказионализмы, образованные суффиксальным способом:

Топатуха «взволнованность, суета, переполох» (основа от существительного топот- + суффикс -ух(а)). Суффикс -ух- в разговорной речи характеризуют, как правило, отглагольные существительные с отрицательной коннотацией: *развлекуха, расслабуха, показуха*. Однако в данном употреблении такой оценки не наблюдается.

Ручата (уменьшительно-ласкательное слово: основа от существительного рука- + суффикс -ат(а)). Словообразовательный формант в данном случае сочетается с основой иной семантики, чем это принято в языке. Суффикс -ат(а) со значением невзрослости, например, в слове волчата, присоединяется к основе неодоушевленного существительного рука. В данном случае нарушаются семантические ограничения в сочетании морфем.

Участвуют в образовании окказионализмов и непродуктивные единичные суффиксы: *жирафел* «жираф» (основа существительного жираф- + суффикс -ел-), *тигродил* «тигр» (основа существительного тигр + суффикс -ил-); *мяучелы* «кошки» (основа междометия мяу + суффикс -ел-): «И тигродилы не убивают других тигродилов. И мяучелы не убивают себе подобных».

При анализе новообразований зафиксированы также пропуски в словообразовательной цепи: *заикательно* «вкусно» (основа глагола заикаться + суффикс -тель- + суффикс -о-); *чафкно* «выражает восхищение от вкуса» (основа глагола чафкать + суффикс -н- + суффикс -о-). При формальной отнесенности этих слов к словообразовательной модели, при которой наречие образуется от прилагательного: изобретательно от изобретательный, в языке нет прилагательных заикательный и чафкательный.

В целом окказионализмы, образованные данным способом, относятся к разным знаменательным частям речи, особенно продуктивен тип образований именного класса как от слов той же части речи, так и других. При этом присутствует как внешняя, так и внутренняя, нетрадиционная суффиксация. Автор не отходит от традиционных языковых моделей, а всего лишь так или иначе варьирует существующее в языке.

2. Окказионализмы, образованные префиксально-суффиксальным или префиксально-постфиксальным способом, встречаются единично, что вполне объяснимо малопродуктивностью данного типа в русском языке: *извеликаниваются* «выкручиваться, находить выход» (префикс из- + основа существительного великан + суффикс -ива- + постфикс -ся): «Мир такой большой, стран много, а великаны очень умные. Они стараются не бегать все время в одни и те же страны. В общем, извеликаниваются, как могут».

3. Сложение основ представлено как сложением основ при помощи соединительных гласных, так и сложением основ с одновременным присоединением других морфем: имена собственные *Людоглот* (существительное люди + глагол глотать + интерфикс о), *Кровобрюх* (существительное кровь + существительное брюхо); *светлогрезик* «хороший, добрый сон» (прилагательное светлые + существительное грезы с одновременным присоединением суффикса -ик), *злокошмарец* «плохой сон» (существительное зло + существительное кошмар с одновременным присоединением суффикса -ец), *бульквасень* «газированный напиток» (глагол булькать + существительное квас + суффикс -ень). В последнем случае представлено также такое морфонологическое явление, как наложение морфем: если в качестве производящей основы рассматривать глагольное междометие бульк.

Аналогичный способ можно предположить и в образованиях: *жовощи* «овощи» (глагол жевать + существительное овощи); *шишгурцы* «овощ типа огурца» (существительное шишка + существительное огурец), *ушикомые* «насекомые» (существительное усы + существительное насекомые), где наблюдается нестандартное усечение корневой морфемы второй производящей основы вначале.

Непродуктивные модели представлены в следующих случаях: *здравоумно-мысле* «здравомыслие» (прилагательное здоровое + прилагательное умное + существительное мысль с одновременным присоединением суффикса -и-); *мерзобякостное* пойло «неприятное, невкусное» (прилагательное мерзкое с усечением основы + окказиональное прилагательное бякостное от нарицательного существительного бяка).

Образование окказионализмов путем сложения основ позволяет автору показать уникальность слова, передает особую конкретность, особенность ситуации, которую не может выразить каноническое слово как единица языка.

4. Слова с вымышленными корнями: *магшал* (маршал), *бильмокль* (бинокль) – относятся, скорее, к малопродуктивным типам фонетических окказионализмов, т.к. автор берет узуальное слово, меняет в нем основу, чаще всего сохраняя первый слог и финаль. Такие окказионализмы сложны для понимания в связи с их отступлением от правил словообразования. И только из контекста можно выявить их значение или с помощью созвучия.

Таким образом, окказионализмы в переводном издании Даля Роальда «Большой и Добрый Великан» создаются в соответствии со словообразовательными законами языка, его моделями, но используется как средство языковой игры для привлечения внимания маленьких читателей и выражения шутливости или же, наоборот, резко отрицательного отношения к событиям, происходящим на страницах произведения.

Библиографический список

1. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2009. 825 с.
2. Роальд Д. БДВ, или Большой и Добрый Великан / пер. с англ. И. Шишкова. М.: РОСМЕН-ПРЕСС, 2005. 208 с.
3. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка. М.: Флинта, 2012. 510 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭМОТИВНОСТИ В СЕМЕЙНОМ ЯЗЫКЕ

LANGUAGE FACILITIES OF EMOTIVENESS IN A FAMILY LANGUAGE

М.А. Кабирова

М.А. Kabirova

Научный руководитель **И.В. Ревенко**

Scientific director **I.V. Revenko**

Эмотивность, языковые средства выражения эмотивности, аффективы, коннотация, ойколект.

В статье раскрывается понятие эмотивности как функционально-семантической категории, рассмотрены принципы функционирования эмотивных языковых средств в ойколекте. На примере конкретной семьи автор раскрывает особенности употребления эмотивной лексики положительного и отрицательного эмоциональных полей.

Emotiveness, language facilities of emotiveness, affectives, connotation, oikolekt.

This article reveals the concept of emotiveness as a functional and semantic category, the principles of the functioning of emotional language facilities in the oikolekt are considered. On a particular family example, the author reveals the features of using an emotive language of positive and negative emotional fields.

Эмоции являются важнейшими компонентами человеческого разума, мышления, сознания, а также любой лингвокультуры в целом. Различные эмоциональные переживания, представленные в словах и выражениях, понятны всем говорящим на данном языке. Это объясняется тем, что «эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа» [Шаховский, 1984, с. 97]. В то же время явление вербализации эмоций в языке носит и индивидуальный характер, поскольку выбор форм и видов эмотивной лексики уникален для каждой языковой личности.

Эмоциональность – это психологическая категория, на языковом уровне представлена такая категория, как «эмотивность». Большинство ученых (Л.Г. Бабенко, А.В. Бондарко, В. А. Маслова, В.И. Шаховский, С.В. Ионова, Г.Н. Ленко, М.А. Ульянова и др.) определяют эмотивность как языковую категорию, которая используется для лингвистического выражения эмоций.

«Являясь функционально-семантической категорией, эмотивность приобретает категориальный статус на различных уровнях языковой системы – лексическом, фонологическом, на уровне предложения и текста» [Ревенко, 2016, с. 180].

В настоящее время лингвисты все больше внимания уделяют изучению категории эмотивности в малых социальных общностях. Особый научный интерес представляет язык внутрисемейного общения, называемый «ойколектом» (греч. ойкос –

семья)» [см. Шарифуллин, 1997]. «Обычной формой общения в семье является устная разговорная речь, более или менее приближенная к литературной речи, или просторечие, регионально окрашенная речь (в зависимости от социального происхождения, образования, уровня культуры членов семьи)» [Мамаева, 2006, с. 274].

Домашний язык обладает высокой степенью эмотивности, способностью системой своих средств выражать эмоциональность как факт психики. Ведущим признаком при отнесении того или иного средства к разряду эмотивных оказывается функциональный признак: если слово выражает или может выражать эмоции, то оно эмотивно. По мнению В.И. Шаховского, эмотивный – это то же, что и эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике [Шаховский, 1984].

«Ученые говорят о двух антонимических вариантах эмоциональной оценки: положительной и отрицательной. Но такая дифференциация эмоций условна, поскольку одно и то же психическое состояние может выражать совокупность противоположных переживаний. Критерий выделения двух ассиметричных пластов эмотивной лексики носит исключительно языковой характер» [Ульянова, 2011, с. 240].

В данной статье мы будем наблюдать особенности функционирования эмотивной лексики на примере ойколекта семьи Кабировых.

Основными лингвистическими методами исследования являются прием наблюдения за речевым поведением членов семьи и описания речевого материала.

Остановимся на некоторых интересных особенностях, которые придают своеобразие речи участников исследования.

Использование аффективов, собственное эксплицитное значение которых является единственным способом выражения эмоций, например:

1. Междометия: «**Ой**, мамочки!» (удивление), «**Вау**, красотища!» (восхищение), «**Йес**, я выиграла!» (радость), «**Ура**, я дома!» (облегчение), «**Фу-у**, чем это пахнет?» (брезгливость), «**Черт**, опять опаздываю» (раздражение), «**Ну** блин, я же попросил потише» (недовольство) и др.

2. Ласкательные слова: *котейшка, солнышко, хлебушек, кусочек, красавица, «с добрым утречком»* и др.

3. Бранные слова, имеющие разный эмотивный потенциал:

а) выражения, у которых оценочный компонент является первичным по отношению к эмотивному: «У тебя на столе всякая **дребедень**, наведи порядок.» (ненужные вещи), «Да все они **крохоборы, враги народа**, как их еще называть!?» (бабушка о коррупционерах; с негодованием), «Хватит **кочевряжиться**, делай, что говорят!» (не делать что-то сразу; с возмущением);

б) выражения с эксплицитным (внешне выраженным) эмотивным значением: «Как же меня это **бесит!**» (резкое раздражение), «**Ненавижу** этот фильм!» (резкое неприятие) и др.

Нередким в употреблении является «коннотация – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера» [Васильев, 2013, с. 246], выражающая психологическое состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и адресату речи, то есть все

то, что составляет цель эмотивной функции слова. В исследуемом ойколекте существуют различные виды коннотации.

Ядро коннотативно положительной группы эмотив в ойколекте семьи Кабиновых составляют слова с оттенком уважительности, одобрения, восхищения, ласкательности (*молоток* (в знач. молодец), *золото*, *радость моя*, *работяжка* (похвала), *шикарно*, *мозг* (об умном человеке), *везунчик*; коннотативность выражается посредством аффиксации (*доченька*, *мамуля*, *папуля*, *соколик*, *полотенчишко*, *тонюсенький*, «*Выпрями спинку*», «*Поешь салатик*» и др.).

В коннотативно отрицательной группе замечены слова с неодобрительной, укоризненной, иронической, фамильярной, бранной окраской (*кулема*, *тюха-матюха*, *пентюх* (неповоротливый, неуклюжий; чаще в речи бабушек), *скукситься*, *киснуть* (загрустить), *балда*, *дылда*, *шляться*, *слоняться*, *жмот*, *твердолобый* и др.)

Особенность использования эмотивных средств прослеживается и в межпоколенческом общении. Так, например, в диалогах между сестрами (15 и 20 лет) эмотивность проявляется в употреблении лексических средств сленга и жаргона («*Круть!*», «*Офигенно!*», «*Ништяк!*», *хавать*, *угорать*, *слинять*, *ржать*, *впрягаться* (делать что-то с нежеланием), *вкурить* (войти в курс дела) и др.). В разговоре с человеком старшего поколения доминируют нейтральные в плане эмоциональной окраски лексемы (ср.: «*Здорово!*», *кушать*, *веселиться*, *сбежать*, *смеяться*).

Нами была отмечена регулярность использования некоторых групп эмотивов у членов семьи. Например, в речи матери преобладают слова ласкательной эмоциональной окраски (*дочурка*, *доня*, *женка*, *котярушка* и др.). Также присутствует некая эмоциональная градация в обращениях к дочери: *Маруся*, *Машута*, *Маняша*.

Анализ семейного общения показал, что ойколект как язык малой социальной группы является уникальным для каждой отдельной семьи, поэтому имеет свою особую реализацию эмотивной лексики в речи. Это делает домашний язык интересным объектом изучения, требующим дальнейшего исследования в лингвистическом аспекте.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ: монография. СПб.: Златоуст, 2013. С. 660.
2. Мамаева С.В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка (на материале молодежного сленга) // Вестник Красноярск. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2006. № 6. С. 274–277.
3. Ревенко И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2 [36]. С. 179–186.
4. Ульянова М.А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 237–248.
5. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск, 1997. № 5. С. 59.
6. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 97–104.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

MODERN THEORETICAL PROBLEMS OF SPEECH GENRES

И.А. Мисинева

I.A. Misineva

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific director **E.V. Osetrova**

Речевой жанр, проблема речевого жанра, стилистический подход, лексический подход, речеведческий подход, текстowo-речевое общение.

В данной работе выполнено изучение сущности определения речевого жанра, предложенного разными учеными. Описаны подходы, используемые в изучении теории речевых жанров, и обозначены актуальные проблемы, которые необходимо решать в будущих исследованиях.

Speech genre, the problem of speech genre, stylistic approach, lexical approach, received one approach, text-speech communication.

The paper studies the essence of the definition of speech genre proposed by scientists. Describes the approaches used in the study of the theory of speech genres, and identified current problems that need to be addressed in the future.

Исследование показывает, что развитие теории речевых жанров (РЖ) актуализирует необходимость продолжения работы по изучению отдельных жанров, по анализу речи, в контексте жанровой организации в целом, развитию взаимодействия с различными направлениями лингвистики, по систематизации значимых научных результатов.

Ряд ученых высказывает мнение о том, что значительным сдерживающим фактором развития теории РЖ является тот факт, что именно само понятие «речевой жанр» является неоднозначным и до конца не уточненным, неопределенным термином. Так, М.М. Бахтин, определяя суть РЖ, выделяет три характеристики: тематическое содержание, стиль, композиционное построение [Бахтин, 1996, с. 235]. Т.В. Шмелева характеризует данную категорию, используя семь признаков [Шмелева, 1997, с. 91]: коммуникативная цель, образы автора и адресата, прошлого и будущего, тип событийного содержания и языковое воплощение. К.Ф. Седов считает, что в жанровой природе соединяются эталоны социально значимого взаимодействия людей и нормы его речевого оформления [Седов, 1999, с. 21]. В.В. Дементьев, описывая природу жанра, выделяет [Дементьев, 2010, с. 78]: речевой акт и интеракцию, речевое событие, коммуникативный концепт. Изучение сущности определений жанра, предложенных данными учеными, говорит, с одной стороны, об общности взглядов на то, что жанр имеет коммуникативно-речевую природу. С другой стороны, авторы предлагают для изучения речевого жанра использовать разный набор характеристик.

Выполненное изучение мнений различных ученых позволяет сделать выводы о трех основных направлениях, связанных с изучением теории РЖ. Одно из них, по мнению ученого М.Я. Гловинской, по сути, является лексическим. В рамках данного направления значительное внимание исследователями уделяется актам речи, использованию глагольных форм в речи [Гловинская, 1993, с. 167]. Ряд ученых считает такое представление ограниченным, для того чтобы получить объективное и достаточно полное представление о речевом жанре. Другим направлением, используемым учеными в своих работах, является использование анализа текстового материала, базирующегося на изучении их жанровой основы, природы. Т.В. Матвеева отмечает, что в данном направлении, предлагаемом называться стилистическим, внимание ученых направлено на исследование композиции текста, использование специфической лексики и другие аспекты, во многом основанные на литературоведческих принципах [Матвеева, 1995, с. 69]. Еще одним направлением современного изучения РЖ является подход, в основе которого лежит постулат о том, что РЖ – это особая модель высказывания. Ряд ученых выражает мнение о том, что именно данное направление максимально отражает идеи признанного ученого, основоположника исследований теории РЖ М.М. Бахтина [Бахтин, 1979, с. 105]. В работах ряда авторов предложено называть его речеведческим, основанном на речеведческом анализе текста. Именно в рамках данного направления возможно создание полной классификации РЖ, подчеркивают ученые. Значительные результаты в данном направлении достигнуты известным ученым В.В. Дементьевым. Но, к сожалению, и предложенная данным автором типология РЖ в фундаментальной работе «Теория речевых жанров» [Дементьев, 2010, с. 295], не является законченной, и требует дальнейшего развития. Выбор именно данного направления как основы для дальнейшего исследования теории РЖ также может быть обоснован с позиции использования стратегии активной грамматики Л.В. Щербы. Изучение показывает, что теория РЖ взаимосвязана со многими смежными областями лингвистики. Например, теория коммуникации использует положения теории РЖ при объяснении систем коммуникативных ценностей, которые определенным образом проявляются в процессе коммуникации, в рамках конкретного речевого жанра. В.И. Карасик, Г.Г. Слышкина считают жанровое оформление поведения участников коммуникации одним из основных постулатов коммуникативной лингвистики. В качестве основной цели, которая исследователями определена для жанроведения, называется необходимость представления речевого общения качественно, адекватно, полно, в рамках единой плоскости [Осетрова, 2012, с. 452]. Актуальным результатом данной работы будет создание энциклопедии РЖ, включающей множество национальных энциклопедий. Внимание ученых страны сегодня направлено на создание специального метаязыка для описания РЖ, описание существующих РЖ, их классификацию.

Выполненное исследование показывает, что среди значимых теоретических проблем речевых жанров находится поиск и осмысление видов системности и ее

форм, или упорядоченности речи, а также поиск тех аспектов, или параметров текстово-речевого общения, которые подлежат упорядочению, работать с которыми помогают речевые жанры.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 307 с.
2. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1996. 798 с.
3. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. 1993. С. 158–218.
4. Дементьев В.В. Теория речевого жанра. М.: Знак, 2010. 600 с.
5. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра // Collegium. 1995. № 1–2. С. 65–71.
6. Осетрова, Е.В. О «Речевой жизни» жанра: некоторые наблюдения и идеи // Коммуникация. Мышление. Личность: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 448–456.
7. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 13–26.
8. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

THE WAYS OF EXPRESSION OF AUTHOR'S IMAGE IN THE NOVEL OF I.S. SHMELEV'S «THE INEXHAUSTIBLE CHALICE»

А.И. Овцина

A.I. Ovcina

Научный руководитель **А.В. Кипчатова**
Scientific director **A.V. Kipchatova**

Образ автора, повесть И.С. Шмелева, филологический анализ текста.

В работе рассматриваются предмет и задачи филологического анализа текста, обозначаются проблемы изучения образа автора в современной лингвистике, определяются проблемы изучения образа автора, изучаются основные приемы отражения образа автора в повести И.С. Шмелева «Неупиваемая Чаша».

Image of the author, the story of I. S. Shmelev's «the inexhaustible Cup», philological analysis of the text.

The paper deals with the subject and tasks of the philological analysis of the text, referred to the problem of studying the image of the author in modern linguistics, defined the problem of studying the image of the author. And also explores the basic techniques of reflection of the image of the author in the novel by I.S. Shmelev's «The inexhaustible Cup».

Актуальность работы обусловлена необходимостью более детального изучения прозы И.С. Шмелева. Поскольку И.С. Шмелев один из ярких представителей «возвращенной литературы» XX в., обращение к анализу его произведений представляет особый интерес в аспекте изучения способов выражения образа автора. Мы считаем необходимым рассмотреть эту проблему на примере анализа повести И.С. Шмелева «Неупиваемая Чаша», что позволит увидеть нам композиционные возможности и закономерности в построении художественного произведения.

В рамках филологического анализа в современной лингвистике вводится понятие языковой композиции текста. Остановимся на этом понятии, определив его теоретические основы. По-латински *compositio* значит «сочинение, составление, соединение». В соответствии с этим, *композицией* в самом общем плане называют построение, взаимное расположение и соотношение частей какого-либо произведения: словесного, музыкального, живописного, графического и т.п. Как видно, понятие композиции применяется в разных видах искусства. И во всех видах искусства роль композиции исключительно велика [Горшков, 2002, с. 256].

Нас интересует, прежде всего, композиция словесного текста, текста на «естественном языке». И здесь надо сказать следующее. Если за пределами словесности понятие композиции применяется почти исключительно к художественному творчеству, то в словесности композиция присуща не только художественным, но и нехудожественным произведениям. Совершенно очевидно, что ни публицистические, ни научные, ни официально-деловые тексты невозможны без определенного расположения и соотношения их частей (компонентов). Конечно, наиболее многогранна и интересна для изучения композиция художественных текстов, но композиция свойственна всем текстам и об искусстве композиции можно говорить как о высокой степени умения, мастерства, применительно к словесному творчеству вообще, а не только художественному.

При филологическом анализе текста образ автора понимается как «не простой субъект **речи**», а «концентрированное воплощение сути произведения». Образ автора представляет собой, по сути, *обобщенный образ творчества, творческого начала личности, но не конкретного лица*. Эта точка зрения отражена в работах таких лингвистов, как А.И. Горшков, Н.С. Болотнова и Н.А. Николина.

Одним из проявлений образа автора является композиционное построение художественного произведения.

Композиционно повесть состоит из нескольких частей:

1. Вступление, которое тематически определяется как «Дачники в Ляпуновке».
2. Основная часть, включающая повествование о жизни крепостного Ильи Шаронова.
3. Заключение, которое условно мы называем «Икона в монастыре».

Предложенные названия обусловлены содержанием.

Композиция повести представляет собой «рассказ в рассказе»: рамкой является повествование о дачниках, которые посетили Ляпуновку. Основная часть повести это история, рассказанная дачникам о жизни Ильи Шаронова, который перед смертью оставил тетрадь о своей жизни и икону «Неупиваемая Чаша».

По нашему мнению, **вступление** произведения представляет самостоятельную часть, поскольку повествование во вступлении отличается от повествования во всей книге. Во вступлении голос автора приближен к литературному языку, предельно объективирован, для него характерно то, что в свое время В.В. Виноградов назвал термином «всезнание», то есть способностью проникнуть во внутренне состояние своих героев: *Гости стоят в грустном очаровании на сыроватых берегах огромного полноводного пруда*.

Повествование во вступлении ведется от 3-го лица. Тем самым создается впечатление, что автор вне действия, вне повествования, он наблюдает за ходом действия со стороны: *«Дачники с Ляпуновки и окрестностей любят водить гостей на самую Ляпуновку»*, *«Он (сторож) приносит осколок прошлого – помятый зеленый самовар – вазу и говорит неизменное»*. В то же время автор не сторонний наблюдатель, он дает свою оценку происходящему: *«Правда, в Ляпуновке все в прошлом»*, *«полное запустение»* (взгляд со стороны, собственно авторская оценка).

Несмотря на такое, на первый взгляд, объективированное повествование, даже во введении мы наблюдаем перемещение на позицию, точку зрения дачников, где даются оценки происходящего с их позиции. Например, в сцене появления сторожа: *«На него смеются: всегда распояской, недоуменный, словно что потерял»*. Наличие просторечных элементов характеризует скорее точку зрения уже не автора, именно дачников. К ним следует отнести: употребление формы *«На него»* вместо литературного *«над ним»*; нарушение глагольного управления – *«На него смеются»*; употребление просторечного слова *распояской, недоуменный* фактически приближает авторский текст к разговорному языку дачников; *«Словно что потерял»* – разговорно-синтаксическая модель (вместо *словно что-то потерял*).

«И жалованья ему пять месяцев не платят». Здесь можно говорить о способе отражения точки зрения самого сторожа. Присоединительные конструкции, на базе которых строится данное предложение, также характерны для системы разговорной речи, помогают передать точку зрения сторожа. Также стоит отметить, что присоединительные конструкции широко используются в портретных характеристиках: *«На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, – тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовешь словом»*. Далее приводится впечатление от портрета с позиции того же сторожа: *«И другой секрет...про антирактора! Прописано на ней там...»*. Употребление таких слов, как *антирактор, прописано*, маркируют не авторскую точку видения, а позицию персонажа-сторожа.

С композиционным приемом перемещения точки зрения мы сталкиваемся и в следующей сцене. Дачники читают текст, который написан на картонной наклейке под портретом Анастасии Ляпуновой. Вначале сцена дана с точки зрения дачников: *«И все начинают вполголоса вычитывать на картонной наклейке выписанное красиво вязью, с красной начальной буквой»*.

Сама надпись – это, как мы видим, пример делового текста: *«Родилась 1833 года мая 23. Скончалась 1855г. марта 10 дня»*. Но *«Выпись из родословной мемории рода Вышатовых, лист 24»* – это уже совсем другое повествование, не случайно в заключении оно названо автором *«поэмой»*: *«Все молчат: оборвалась недосказанная поэма»*. В «старинном» слоге приведенного текста слышится живое биение человеческого чувства: не случайно здесь употреблены восклицательные оценочные конструкции: *«О, сколь сия Монаршая милость горестно поразила главу фамилии благородной»*, *«...прозревая горестную отныне участь юной девицы, единственного дитяти своего, и позор семейный, чего многие за позор не почитают, явил дерзостное ослушание, в сих судьбах благопохвальное, и тот же час выехал с дочерью, в великом ото всех секрете, в дальнюю свою вотчину Вышато-Темное!»*. Употребление полногласных форм *«ото всех»*, а также устаревших слов *«дитяти»*, *«почитают»*, *«ослушание»* свидетельствует о сходстве данной надписи с церковно-славянским стилем.

Примером введения маркеров внутренней речи дачников являются конструкции: *«Да, было...и было многое...»*. Далее можно отметить проявление точки зрения дачников: *«Бегло оглядывают стенную живопись, работу будто бы крепостного человека»*. Именно это *будто бы* и дает нам понять, что это их точка зрения, т.к. автор точно знает, что работа выполнена крепостным человеком. В дальнейшем точка зрения дачников перемещается на позицию, точку зрения автора; в частности, когда он обращает читательское внимание на ограниченность «знания» сторожа: *«Больше он ничего не знает»*; знает автор, а не дачники, не сторож.

Следует отметить, что во вступлении находит отражение и точка зрения читавших тетрадь о жизни Шаронова: *«Вот что рассказывают читавшие»*. Эта фраза подготавливает нас к тому, что последует и другой рассказ, и другие рассказы. Мы видим, что это уже не собственно авторское повествование, читателю будет предложена другая точка зрения.

Во вступлении наряду с композиционными приемами, связанными с перемещением от авторской точки зрения к персонажам, представлен и прием монтажа. Суть «монтажного» изображения состоит в том, что оно строится не только в полном соответствии со взглядом персонажа, но и в движении. Причем может быть отражено как движение, изменение изображаемой сцены, так и движение самого персонажа, точка видения которого перемещается в пространстве. Отсюда смена, «монтаж» планов изображения (общего, среднего, крупного). *«Входят со смехом, идут анфиладой...»*; *«Сторож шлепает голой грязной ногой на табуретку, снимает портрет с костыля, держит, будто хочет благословить, и барабанит пальцами»*.

Из приведенных примеров видно, что позиция автора достаточно ярко представлена во введении, когда повествование ведется от 3-го лица. Перемещение точки зрения происходит при смене рассказчика, когда повествование ведется от имени персонажей повести (Ильи, Арефия и других). Образ автора возникает тогда, когда необходима общая точка зрения, взгляд со стороны. Как правило, построение текста такого плана наблюдается в основной части повести. Субъективация авторского повествования происходит за счет использования таких приемов, как перемещение точки зрения, прием монтажа. Способы выражения образа автора различны на лексическом уровне, в частности, это достигается за счет использования просторечных слов, фонетических вариантов; на синтаксическом уровне – при использовании присоединительных конструкций.

Достаточно широко автор использует прием монтажа, который строится в полном соответствии со взглядом персонажа и отражает позицию персонажа и его действия. Наблюдается при смене действий, если прием выражен глаголами, и при смене «картинок», если выражен существительными.

В связи с употреблением в одном тексте различных способов выражения образа автора возникает эффект многоголосия, совмещения ряда точек видения.

Библиографический список

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2007. 520 с.
2. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. М.: Дрофа, 2000. 352 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность 10–11 класс. М., 2002.
4. Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2001.
6. Шмелев И.С. Неупиваемая Чаша. М., 1960. 340 с.

ОБУЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

TEACHING COMMUNICATIVE BEHAVIOUR IN THE SPHERE OF HOSPITALITY

Л.В. Панкова

L.V. Pankova

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**

Scientific director **E.V. Osetrova**

Гостеприимство, коммуникативное поведение, обучение коммуникативному поведению, аккультурация.

В статье обосновывается необходимость изучения специфики русского гостеприимства иностранными студентами. Рассмотрены этапы обучения основам русского коммуникативного поведения и ряд упражнений, применимые в рамках обучения коммуникативному поведению в сфере гостеприимства.

Hospitality, communicative behavior, teaching in communicative behavior, acculturation.

This article concerns the need for foreign students to study the specifics of Russian hospitality. It includes the stages and types of exercises of teaching foreign students typical Russian communicative behaviour in situations involving hospitality.

Необходимость целенаправленного обучения коммуникативному поведению, направленному на адекватное понимание поведения представителей другой культуры вызвано расширением возможностей межкультурного взаимодействия, продиктованного глобализационными процессами, развитием информационных технологий.

Элементами такого обучения выступают: этикетные, культурные вербальные и невербальные нормы, необходимые для избегания неместного или даже оскорбительного поведения.

Особенно важным для изучения основ коммуникативного поведения в русской языковой среде нам видится изучение традиций гостеприимства. Каждый человек, приезжающий в другую страну, общаясь с представителями другой культуры, неизбежно попадает в ситуации, связанные с проявлением гостеприимства – ходит в гости, приглашает гостей. Такие ситуации чаще возникают в бытовой среде, однако, их круг достаточно широк – проявление гостеприимства выражено в таких сферах, как туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание.

Большое количество различных коммуникативных ситуаций, требующих знания культуры гостеприимства русского народа, специфики поведения в рамках этих ситуаций, определяет необходимость изучения норм коммуникативного поведения.

Большой толковый фразеологический словарь русского языка определяет гостеприимство как радушие и хлебосольство хозяев. Гостеприимство – умение хозяина чутко и внимательно отнестись к нуждам гостя, умение обеспечить комфортное пребывание в незнакомом месте для него.

Важным аспектом выступает дидактический отбор материала. Необходимо учить коммуникативному поведению в стандартных коммуникативных ситуациях гостеприимства, значимых как для повседневного, бытового общения, так и где реализация коммуникативных умений связана с понятием вежливого, статусного общения.

Е.А. Иванова [Иванова, 2003, с. 65] выделяет следующие этапы обучения основам русского коммуникативного поведения, применимые в рамках обучения коммуникативному поведению в сфере гостеприимства.

1. Ознакомительный этап.
2. Повторение и презентация новых формул речевого этикета.
3. Наблюдательный этап.
4. Этап формирования и тренировки умений русского коммуникативного поведения.
5. Практическая реализация сформированных навыков и умений в условиях языковой среды.

Рассмотрим возможные варианты упражнений, направленные на изучение русского гостеприимства.

В рамках ознакомительного этапа могут быть использованы вопросы, которые преподаватель задает до и после изучения текстов. Ниже представлены вопросы для работы с текстами В.И. Аннушкина и Н.В. Баско [Аннушкин, 2004, Баско, 2005].

Упражнение 1. Варианты вопросов для работы с текстами о гостеприимстве

Текст: «Вас пригласили в гости: некоторые особенности приема гостей у русских» (В.И. Аннушкин)	Текст: «В гостях» (Н.В. Баско)
Вопросы 1. Надо ли после посещения русских знакомых посылать им письмо / открытку с благодарностью за хороший вечер? 2. Надо ли, идя в гости, взять с собой напитки? 3. Если Вас пригласили в гости, знаете ли вы, что это будет: обед, ужин, кофе? 4. Важна ли форма одежды, если вас пригласили в гости? 5. Принят ли у русских «шведский стол»? 6. Следует ли принести хозяйке дома цветы?	Вопросы 1. В каких случаях русские посылают письменные приглашения гостям? 2. Сколько цветов должно быть в букете, который гость дарит хозяйке? 3. Что означает выражение «забежать на огонек»? 4. Какова традиция официальной встречи высоких гостей? 5. Какая примета есть у русских, когда гости входят в дом? 6. Какие тосты традиционны за русским столом?

После изучения текста учащимся предлагается ответить на них еще раз. Происходит дискуссия о допущенных ошибках.

В рамках этапа «Повторение и презентация новых формул речевого этикета» могут быть использованы упражнения с заданиями типа «Соедините близкие по значению слова и выражения», представленные в упражнении 2.

Упражнение 2. «Соедините близкие по значению слова и выражения» [Баско, 2005. с. 185]

Приглашать в дом	Представить
Отметить событие	Я предлагаю тост за...
Не по вкусу	Особо уважаемый гость
Добро пожаловать!	Не нравится вкус
Приветствовать гостей	Отпраздновать событие
Познакомить	Звать в гости
Не принято	Здороваться с гостями
Высокий гость	Нет традиции, обычая
Давайте выпьем за...	Милости просим!

В рамках наблюдательного этапа учащимся предлагается ответить на вопросы после просмотра видеоотрывков, направленных на сопоставление черт коммуникативного поведения русских и их родной культуры.

Фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы или с легким паром».

Вопросы: *Можно ли назвать героя гостеприимным хозяином?*

Как бы вы вели себя в подобной ситуации?

Нарушаются ли какие-то нормы поведения?

Студенты должны составить план приема гостей в рамках этикетных ситуаций гостеприимства и заполнить таблицу, используя реплики героев, предложить свой вариант реплик.

Упражнение 3

ПРИВЕТ- СТВИЕ	ПРИГЛА- ШЕНИЕ	УГОЩЕНИЕ	БЛАГОДАР- НОСТЬ	ПОЖЕЛА- НИЕ
– Привет	Заходите,	– Проходите при-	– Спасибо что	– До встре-
– Здорово	не стойте	саживайтесь	зашла	чи
– Здравствуй- те	на пороге, чувствуй- те себя как дома	– Кушай давай – Попробуйте ...	– Рад был ви- деть тебя	– Давай

Приведем примеры заданий, используемых на этапе формирования и тренировки умений.

Обучающимся предлагается ознакомиться с различными видами приглашений (упражнение 4).

Упражнение 4. Формальное и неформальное приглашение [Баско, 2005. с. 165]

Глубокоуважаемый господин Смит! Разрешите пригласить Вас на прием по случаю открытия Торгового дома нашей фирмы. Прием состоится 20 мая 2007 года в 19.00 в банкетном зале гостиницы «Украина» по адресу: Кутузовский проспект, дом 2. С уважением, генеральный директор АО «Росстройтехника» А.В. Панин	Дорогие Наташа и Сергей! Приглашаем вас в гости на 10-летний юбилей нашей свадьбы. Торжество состоится у нас на даче 25 июля в 6 часов вечера. Ваши друзья Ольга и Павел Романовы
--	--

Предлагается обратить внимание на то, как они различаются по стилю, после этого они должны сами написать приглашение.

1. *Приглашение в гости друзьям на праздник новоселья.*

2. *Приглашение в гости коллегам в связи с вашим юбилеем.*

Также в рамках этого этапа предлагаются задания на ролевых карточках, где характеризуется ситуация общения, параметры участников и задачи общения. [Аннушкин, 2004, с. 145].

Упражнение 5. Ролевые карточки

1. Алесей, менеджер, 29 лет У вас завтра день рождения, юбилей 30 лет. Вы приглашаете гостей и хотите видеть Татьяну и ее мужа, однако они сомневаются. Попробуйте убедить их прийти	2. Татьяна, преподаватель, 30 лет Ваш друг Алексей приглашает вас на день рождения. Вы сомневаетесь так как поссорились с мужем и не хотите его видеть. Узнайте будет ли
--	--

Обучающиеся должны составить диалоги для следующих ситуаций и разыграть их по ролям [Баско, 2005. с. 178]:

Вы приглашаете в гости к себе домой друзей.

Вы – хозяин дома – радушно встречаете гостей и предлагаете им войти в дом

Вы – хозяйка дома – приглашаете гостей к столу.

Вы, находясь в гостях, произносите тост за здоровье хозяев и за их гостеприимство.

На этапе практической реализации умений предполагается использование ситуаций реального общения. Лучше всего для этого подходят тематические студенческие мероприятия, такие как «Кухни стран», «Чаепитие-капустник» или же неформальные встречи с носителями языка. После студенты рассказывают о своем опыте, как в роли «хозяина, так и в роли «гостя».

Обучение коммуникативному поведению в рамках той или иной языковой культуры должно осуществляться наряду с обучением собственно языковым навыкам. Знание традиции гостеприимства это ключевое знание для более полного понимания национального менталитета и специфического отношения к миру, так как гостеприимство входит в состав универсальных, базисных концептов человеческого общества.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–297.
2. Аннушкин В.И. и др. Знакомиться легко, расставаться трудно// Аннушкин В.И., Акишина А.А., Жаркова Т.Л.: учеб. пособие. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2004. 224 с.
3. Баско Н.В. Изучаем русский, узнаем Россию М.: Флинта; Наука, 2005. 280 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура М.: Индрик, 2005. 1038 с.
5. Иванова Е.А. Роль национально-культурного фактора в обучении иностранных учащихся нормам русского коммуникативного поведения // Вопросы методики преподавания в вузе. Вып. 5. СПб., 2003. С. 63–68.
6. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2007. 328 с.
7. Серебрякова А. Ю.О компонентах коммуникативной ситуации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2009. №25 (158). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-komponentah-kommunikativnoy-situatsii>
8. Ковалева А.М. Особенности работы с лексическими единицами РКИ при обучении китайских студентов // материалы Междунар. НПК, посвященной 210-летию В.И. Даля / отв. ред. С.П. Васильева. Красноярск: КГПУ, 2011. С. 117–122.
9. Ковалева А.М. Практикум по РКИ и современным методам обучения: уч.-метод. пос. Красноярск: КГПУ, 2012. 102 с.

АДАПТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В.П. АСТАФЬЕВА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ADAPTATION OF ASTAFIEV'S FEATURE TEXTS A FOREIGN LANGUAGE: THE FORMULATION OF THE PROBLEM

С.А. Подабед

S.A. Podabed

Научный руководитель **Н.В. Лебедева**

Scientific director **N.V. Lebedeva**

Методика РКИ, адаптированный текст, аутентичный текст, коммуникативная природа, В.П. Астафьев.

Статья посвящена проблеме адаптации художественных текстов в отечественной методике РКИ. В статье поднимается вопрос адаптации художественных текстов сибирского писателя В.П. Астафьева. Предлагается адаптированный вариант одной из «затесей» В.П. Астафьева «Голос за морем».

Russian as a foreign language, adapted text, authentic text, communicative nature, V.P. Astafiev.

This article is devoted to the problem of adaptation of feature texts in the Russian methodology of RLFs. The article raises the question of adapting the texts of the Siberian writer V. P. Astafiev. An adapted variant of V.P. Astafiev's «Voice behind the Sea».

В отечественной методике преподавания русского языка как иностранного некоторые вопросы являются еще не до конца решенными. Один из таких вопросов – адаптация художественных текстов. Существуют различные учебные пособия, предлагающие адаптированные варианты русской классической литературы, но на настоящий момент нет пособий, которые бы включали адаптированные тексты В.П. Астафьева.

Согласно «Словарю методических терминов», адаптация текста подразумевает «упрощение, приспособление, облегчение ... текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» [Азимов, Щукин, 2009, с. 10]. Существуют две точки зрения на правомерность адаптации. Первая заключается в полном отрицании адаптирования аутентичных текстов (Н.В. Кулибина в ранних работах, Е.В. Потемкина), вторая точка зрения (О.О. Понтус, А.А. Вейзе, А.В. Брыгина, С.В. Первухина и др.), соответственно, признает адаптацию и представляет различные классификации видов адаптации.

Оригинальный (аутентичный) художественный текст, трансформированный с помощью приемов адаптирования, становится учебным, он «...специальным образом «приспособлен» к ситуации обучения, и единственная сфера его функционирования – учебная» [Попова, 2011, с. 223]. Проблемность вопроса адаптации кроется в сохранении художественного своеобразия, коммуникативной природы текста, эстетической составляющей текста. Внося корректировки, необходимость которых обусловлена спецификой учебного процесса и национальными особен-

ностями иностранных учащихся, педагог сталкивается с опасностью искажений художественно-эстетических установок автора произведения [Коротышев, 2017, с. 63]. Так, перед методистами встает задача поиска компромисса между требованиями обучения иностранному языку и необходимостью сохранения эстетической ценности и коммуникативной направленности художественного текста.

Рассматривая вопрос адаптации художественных текстов В.П. Астафьева, мы, главным образом, опираемся на точку зрения и преподавательский опыт Н.В. Кулибиной, которая, как мы отметили выше, относилась к противникам адаптации. В одной из своих статей Н.В. Кулибина признает адаптацию с сохранением элементов аутентичности и коммуникативной природы текста [Кулибина, 2013, с. 24]. Она подчеркивает, что главную трудность при чтении иноязычного текста представляет незнание грамматики, следовательно, текст, предъявляемый учащимся для чтения, должен содержать только знакомую грамматику. Лексические трудности, с которыми сталкивается читатель-инофон, можно преодолеть с помощью различных когнитивных стратегий идентификации незнакомого слова, однако, в некоторых случаях языковые единицы, не соответствующие языковому минимуму уровня, могут подлежать адаптации (исключению или синонимической замене).

Исходя из этого, мы предлагаем возможный вариант адаптированного текста В.П. Астафьева «Голос из-за моря», рассчитанного на уровень А2.

Оригинальный текст

(1) Жил я на юге у старого друга и слушал радио, наверное, турецкое, а может, и арабское...

(2) *Был тих голос женщины, говорившей за морем;* тихая грусть *доноси-лась до меня* и была мне понятна, хотя и не знал я слов чужого языка.

(3) Потом, тоже тихая, словно бы бесконечная, *звучала музыка, жаловалась, ныла всю ночь,* и незаметно вступал певец, и тоже вел и вел жалобу на одной ноте, *делался совсем* неразделим с темнотою неба, *с твердью земли,* с накатом морских волн и шумом листвы за окном — *все-все сливалось вместе.*

(4) Чья-то боль становилась моей болью, и чья-то печаль — моей печалью

(5) В такие минуты *совсем явственно являлось сознание,* что мы, люди, *и в самом деле* едины в этом поднебесном мире.

Адаптированный вариант А2

—

Был тих голос женщины, голос за морем. Тихая грусть слышалась мне и была мне понятна, хотя и не знал я слов чужого языка.

Потом звучала тихая, будто бесконечная музыка. Она жаловалась, плакала всю ночь. Потом незаметно вступал певец и тоже вел и вел жалобу на одной ноте. Он становился неразделим с темнотою неба, с накатом морских волн и шумом листьев за окном. Все-все сливалось вместе.

—

либо

Чья-то боль становилась моей болью, и чья-то *грусть* — моей *грустью*.

В такие минуты приходило понимание, что мы, люди действительно едины в этом поднебесном мире.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 7. Красноярск: Офсет, 1997.
3. Коротышев А.В. Технология отбора и лингводидактической адаптации художественных текстов в целях обучения русскому языку как иностранному: дис. ... канд. пед. наук. М., 2017.
4. Кулибина Н.В. Адаптировать нельзя понять. Принципы адаптации художественных текстов в соответствии с «Общевропейскими компетенциями владения иностранным языком» // Русский язык за рубежом. 2013. № 5. С. 22–30.
5. Попова О.В. Адаптация текста к новым параметрам коммуникативной ситуации // Вестник Омского университета. Омск, 2011. № 4. С. 222–226.
6. Самотик Л.Г. Образ инонациональной речевой среды: концептуализация в пространстве художественного текста: монография [Электронное издание] / Регистрационное свидетельство обязательного федерального экземпляра №33511. Номер государственной регистрации обязательного экземпляра электронного издания 0321304213 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – РЕЧЕКОММУНИКАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

INFORMATION WARFARE – COMMUNICATIVE INSTRUMENT OF ACHIEVING POLITICAL GOALS

Ф.Е. Подсохин

F.E. Podsokhin

Информационная война, массовая коммуникация, массовая аудитория.

Информационная война – феномен, существующий на протяжении весьма длительного времени. С учетом все более технологически совершенствуемых каналов распространения информации главным фактором ведения наступательных либо оборонительных действий становится трансляция сообщений, направленных на манипулирование сознанием аудитории: конструирование ее симпатий по отношению к каким-либо объектам.

Information warfare, mass communication, mass audience.

Information warfare is the phenomenon that exists for a very long time. In view of increasingly technologically perfected channels of information dissemination, the major factor of offensive or defensive actions is broadcasting messages aimed at manipulation of the audience's consciousness: the construction of its sympathies in relation to any object.

Для старого Рокфеллера издавали специальную газету, заполненную вымышленными новостями. Некоторые страны в состоянии издавать такие газеты не только для миллиардеров, но для всего населения.

(С.Е. Лец)

Человечество веками старалось создать идеальное оружие, которое было бы одновременно действенным, незаметным, дешевым и простым в эксплуатации. Сегодня с завидной частотой в СМИ стали появляться материалы о возникновении якобы нового типа военных действий – информационных войн (ИВ), сменяющих войны ядерные. Поскольку научных теорий, объясняющих сущность ИВ, не так много, а современная журналистика не преследует цель аналитического осмысления и разъяснения имеющегося феномена, образуется т.н. «информационный вакуум», который, в свою очередь, создает атмосферу таинственности и почву для ложных выводов и умозаключений, не имеющих с реальностью и научным знанием ничего общего.

«Публицистический дискурс представляет собой не только множество подаваемой информации, но и сложную систему манипуляции массовой аудиторией» [Бизюков, 2010, с. 150]. В современном социуме СМИ оказывают огромное влияние на человеческую ментальность: сознание и деяния граждан являются од-

новременно источником и результатом важнейшего на сегодняшний день ресурса – информации. С одной стороны, СМИ публикуют вызывающую интерес аудитории информацию, с другой – транслируют различные ценностные установки, стереотипы, формируют общественное мнение, являясь главным средством изменения массового сознания.

«Степень зависимости потребителей СМИ от предлагаемой им «духовной пищи» <...> может быть <...> чрезвычайно высокой, сродни наркотической: ср. чуть ли не всеобщее увлечение россиян многочисленными телесериалами, ток-шоу, реалити-шоу <...> и т.п. Это весьма напоминает эпизоды почти пророческого романа Р. Брэдли «451° по Фаренгейту», большинство действующих лиц которого настолько увлечено перипетиями псевдожизни телевизионных персонажей, что совершенно не обращает внимания <...> на события реальной действительности» [Васильев, 2006, с. 96].

Манипуляции общественным мнением можно рассматривать как пример подавления воли граждан путем программирования их поведения, т.н. «промывки мозгов». Такой вид манипуляции направлен не на отдельного индивида, а на общество в целом. Главной задачей манипулятора становится навязывание коллективных ценностей, изменение мнений, целей, сознания людей для создания аудитории, поддерживающей правящую элиту, ту или иную политическую тенденцию. Воздействие на сознание людей происходит не напрямую при непосредственном контакте, а через средства массовой информации, которые создают иллюзию объективной подачи сведений и потому обладают высокой степенью убедительности [Демьяненко, 2012, с. 20–27].

За последние годы понятие информационной войны (ИВ) приобрело достаточно широкое распространение: стабильно растущая политическая и экономическая напряженность в мире, катализируемая подробным освещением (так или иначе – субъективным, порой даже до откровенного лицемерия) в средствах массовой информации, сделало ИВ предметом как научного, так и публицистически-обывательского рассмотрения. Следуя за фразеологизмом французского литератора Ж. Пеша «Все новое – это хорошо забытое старое», сто́ит отметить, что явление информационной войны для человеческой истории абсолютно не ново. В свое время античные авторы во всех красках описывали агитационные кампании, деморализующие и таким образом ослабляющие противника, либо наоборот – поднимающие боевой дух соотечественников. В этой связи крылатые слова «красна и сладка смерть за отечество», как и другие произведения Горация, написанные во время нравственного упадка римлян под влиянием Востока, приобретают вполне ясный пропагандистский подтекст.

С течением времени менялись каналы коммуникации, появлялись новые термины и целые науки, но основные принципы информационной войны всегда оставались неизменными.

Спустя две тысячи лет после «Од» Горация американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер стал одним из авторов концепции информационного

(постиндустриального) общества как третьего (после аграрного и индустриального) типа организации общества.

Развивая идеи теории Тоффлера, Т. Червински, ссылаясь на Джорджа Стейна, отмечает: «Войны «первой волны» велись за земли, «второй волны» – за способность физической продуктивности; возникающие войны «третьей волны» будут вестись за доступ к знаниям и контроль над ними. Поскольку «формы боевых действий» любого общества следуют за «формами создания благосостояния» этого общества, то войны будущего будут в основном, но не только, «информационными» [Czerwinski, 1996].

Информационная война оказалась сегодня в центре политики, экономики и военного дела. «Мирные» применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных [Почепцов, 2014].

Современные науки (политология, социология, юриспруденция и некоторые другие) обычно характеризуют понятие ИВ в едином ключе, а сама дефиниция нередко заимствуется дословно или с незначительными акцентами. В «Большом юридическом словаре» находим следующее определение понятия:

«Информационная война – действия, направленные на достижение информационного превосходства, поддержку национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственника информации» [Борисов, 2012, с. 216].

Информационная война является в настоящее время самым перспективным способом «продолжения политики иными средствами». Информационную войну правомерно трактовать как составляющую часть информационной борьбы. В свою очередь, особенность информационной борьбы заключается в том, что она ведется постоянно – и в мирное, и в военное время [Кравченко, 2011, с. 145]. Не случайно среди основных военных опасностей, отраженных в утвержденной в конце 2014 года действующей редакции Военной доктрины Российской Федерации, числится «использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях» и «деятельность по информационному воздействию на население, <...> имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций» [Петров, 2014 с. 1].

Попробуем дать определение понятию «информационная война» с позиций лингвистики таким образом, чтобы оно не противоречило вышеописанному опыту исследователей, но раскрывало сущность явления с позиций науки о языке:

Информационная война – совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т.д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях.

Интерес современной лингвистики к явлению информационной войны может быть реализован минимум в двух основных направлениях:

1. Структурно-методологическое. В рамках данного направления лингвистическому изучению подвергается совокупность информационных воздействий, структура и методология существующей и возможной коммуникации, дискурс-анализ, контент-анализ.

2. Семантическое. Воздействие в политическом дискурсе обусловлено его когнитивной природой и реализуется через специфическое функционирование языковых средств [Чинарова, 2009, с. 150–152]. Актор информационной войны использует разнообразные языковые приемы для кодирования своих сообщений, позволяющие придать им сильный суггестивный и манипулятивный потенциал. В рамках данного аспекта лингвистика дает возможность классифицировать выявленные языковые приемы, проанализировать вероятные речевые стратегии актора, декодировать сообщения.

Сегодня Россия вовлечена в ряд международных информационных конфликтов. Главными нашими противниками являются (или, во всяком случае, – имплицитно преподносятся в таком статусе большинством российских средств массовой информации) так называемые «страны Запада», из которых следует особо выделить США и Великобританию. Помимо собственных СМИ и специальных организаций, в своей информационной борьбе с Россией эти страны в последние десятилетия активно используют как спонсируемые ими силы внутри России («несистемную оппозицию», русофобские СМИ), так и антироссийски настроенные элиты и СМИ некоторых соседних с Россией стран (Польши, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии).

В случае со странами-соседями, например, значительно участились слухи о якобы готовящихся со стороны России актах агрессии, что создало почву для многочисленных дискуссий, громких заявлений, периодически переходящих в откровенную панику и массовую истерию. В итоге проведение крупных армейских учений, создание новых военных баз в Восточной Европе, разработка новых и продление прежних антироссийских санкций в большинстве случаев местным населением воспринимается очень тепло и активно поддерживается. Справедливо отметить, что, в свою очередь, описание российскими журналистами тенденций и настроений в соседних странах нередко изображается несправедливо однобоко.

Представляется довольно очевидным, что подогреваемые в СМИ тревожные настроения общества и последующие за такой реакцией политические решения являются разными этапами манипуляционной кампании, проводимой неким актором. Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать **слово**: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функцию, основным объектом воздействия – *общественное мнение*.

Процесс воздействия на общественное мнение в СМИ реализуется при помощи богатого арсенала различных вербальных и невербальных приемов и тактик. В некоторых исследованиях, посвященных манипуляции и пропаганде, в качестве

идеологических механизмов предлагается рассматривать процессы *эвфемизации* и *деэвфемизации*. Так, в качестве примера данных процессов приводятся понятия «военное присутствие» как эвфемизм термину «интервенция», который в свою очередь рассматривается как его деэвфемизатор. То же в парах: «регулирование цен» – «повышение цен», «неполная занятость» – «безработица» [Беркнер, 2001, с. 85–89]. Сталкивание диаметрально противоположных концептов в рамках текста является одним из инструментов манипулирования общественным мнением.

Специфика воздействия на массовую аудиторию довольно подробно изучена в психологии, социологии и различных смежных науках, которые сходятся в утверждении, что в массовой аудитории исчезает обособленная сознательная личность. Общественное мнение становится средством завоевания и удержания власти; рычагом управления политическими и социальными процессами; инструментом ведения борьбы за сегмент рынка и т.д.

Пожалуй, наиболее яркий за последнее время пример информационного противостояния – так называемые события «Евромайдана» на Украине, вылившиеся впоследствии в масштабные боевые действия, именуемые разными сторонами конфликта по-разному. Явление информационной войны, имеющей место в связи с украинскими событиями, особенно в практическом аспекте и приобретенном масштабе, представляет огромный интерес и дает обширный материал для изучения филологам, социологам, политологам, конфликтологам, журналистам, специалистам по связям с общественностью и т.д.

Если XX век дефинируется как эпоха радио, газет и телевидения, то XXI – это уже век интернета и социальных сетей и их перспективы по достоинству оценены на родине Глобальной Паутины – в США. Здесь впервые созданы так называемые интернет-войска, где операции проводят люди в армейской форме.

Заместитель главы кибернетического командования ВС США Джеймс Маклафлин в своем отчете сообщает: «Перед нами стоит задача создать 133 новых кибер-подразделения. Всего понадобится дополнительно привлечь около 6200 операторов, объединенных в так называемые войска кибернетических операций» [Министерство обороны США]. Достоверно известно, что с момента старта формирования подобного рода войск (2009 год) происходит массовый набор специалистов со знаниями иностранных языков (арабского, китайского и русского).

Эмпирическим путем доказана рациональность и эффективность проведения политики в третьих странах по средствам «кибернетических операций» – это гораздо проще и дешевле, а возможные потери в случае неудачи практически сводятся к нулю. Наиболее вероятной является теория о подконтрольности революций на Ближнем Востоке, т.н. «арабской весны» через социальные сети (Facebook и Twitter), штаб-квартиры которых расположены в США. В каждом конкретном случае события развивались по схожему сценарию: накануне народных волнений на ту или иную страну обрушивалась волна слухов (в большинстве случаев – не имеющих ничего общего с действительностью), нагнеталась истерия. Главным и наиболее опасным фактором подобного «информационного заражения» являет-

ся тот факт, что инфицированное послание в любом случае воздействует на восприятие мира адресата. «Пусть они никуда не выйдут на площадь, пусть они не будут громить никакие общественные, государственные здания, но они будут помогать создавать этот самый панический фон в любом случае» [Мураховский, 2016].

В сентябре 2016 года состоятся выборы депутатов Государственной думы РФ VII созыва, в 2018 – выборы президента и предвыборная гонка, которая начнется минимум за год до этого. Приближается чемпионат мира по футболу, проведение которого уже неоднократно пытались оспорить. Безусловно, список в разной степени значимых для России и россиян событий будет пополняться. В ближайшие несколько лет нас ждет только усиление информационного давления, предотвратить которое невозможно. Единственное, что необходимо сделать, – это научиться избирательно подходить к источникам получения информации и относиться к каждому сообщению со здоровым скептицизмом и критикой.

Библиографический список

1. Беркнер С.С. Язык как инструмент власти // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л.И. Гришаевой. Воронеж, 2001. С. 85–89.
2. Бизюков Н.В. Публицистический дискурс как система языковой манипуляции // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. № 3.
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2012. С. 216.
4. Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. 2006. № 20.
5. Демьяненко Н.В. Использование манипулятивных технологий в СМИ как реальная проблема // Российский академический журнал. 2012. № 1. С. 20–27.
6. Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М.: МГИМО, 2011. С. 145.
7. Министерство обороны США [Электронный ресурс]. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0415_Cyber-Strategy (дата обращения: 10.04.2016)
8. Мураховский В. Паутина лжи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/332/> (дата обращения: 02.04.2016)
9. Петров И. Что доктрина прописала // Российская газета. 2014. № 6570 от 30.12.14. С. 1.
10. Почепцов Г.Г. Информационная война: определения и базовые понятия [Электронный ресурс]. URL: osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya (дата обращения: 02.04.2015).
11. Чинарова Е.С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39. С. 150–152.
12. Czerwinski T.J. The Third Wave: what the Tofflers never Told You // Strategic Forum. № 72. 1996.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЛИБРЕТТО (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЛИБРЕТТО К СПЕКТАКЛЮ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»)

LINGUISTIC FEATURES OF LIBRETTO (ON MATERIAL OF TEXTS FOR THE «SWAN LAKE»)

А.Е. Тютюкова

A.E. Tutukova

Научный руководитель **Т.С. Садова**
Scientific director **T.S. Sadova**

Лингвистика, либретто, жанр, балет, П.И. Чайковский.

В статье описаны некоторые текстовые и структурные отличия жанра либретто. Кроме того, прослежена эволюция характерных черт выбранных текстов. Сделан вывод, учитывающий культурно-исторический контекст существования выбранных для анализа текстов.

Linguistic, libretto, genre, balet, P.I. Chaykovskiy.

In the article several textual and structural features of libretto genre are described. Moreover the evolution of peculiarities of chosen texts is considered. The basis of the conclusion includes both cultural and historical context of this texts.

Для описания лингвистических особенностей жанра балетного либретто выбраны три текста либретто балета «Лебединое озеро», созданные для постановок в Мариинском театре Санкт-Петербурга. Первый – написанный балетмейстерами Мариусом Петипа и Львом Ивановым к премьере балета в 1895 г. (далее – Л 1895); второй – созданный на основе сценария авторов В.П. Бегичева и В.Ф. Гельцера, выпущенный для спектакля, поставленного К.М. Сергеевым в 1950 г. (далее – Л 1950) и современный текст, представляющий собой адаптированный вариант либретто для спектакля 1950 года, сопровождающий балетный спектакль в наши дни (далее – Л совр.).

По мнению Л.А. Баташевой, которая рассматривала язык жанра оперного либретто, «текст либретто зависит от режиссерского решения каждой конкретной постановки» [Баташева, 2012, с. 8]. В случае с либретто балета «Лебединое озеро» режиссерское решение в меньшей степени влияет на текст и особенно на его структуру. Несмотря на то, что на протяжении XX в. балет шел на многих сценах в различных вариантах, сюжет и композиция спектакля и либретто к нему оставались почти неизменными со времен премьеры в 1895 г. Хореография балета впитала идеи и А.А. Горского (1871–1924), А.Я. Вагановой (1879–1951), К.М. Сергеева (1910–1992), Ф.В. Лопухова (1886–1973) [Березовский, 2004, с. 55], однако все хореографы ориентировались на премьерную постановку в Мариинском театре и задумку П.И. Чайковского.

В предисловии к либретто 1950 г. описаны изменения, внесенные постановщиком К.М. Сергеевым в хореографическую и драматургическую часть спектакля. Например, была введена существовавшая в постановке А.А. Горского роль шута, получил новую хореографическую окраску танец «больших лебедей», заново поставлен венецианский танец. В целом балетмейстер в своей сценической редакции произведения П. И. Чайковского стремился сохранить и подчеркнуть идею поэтического замысла композитора – торжество истинной глубокой любви и верности.

Тенденция к сохранению традиции проявляется и в структуре текстов либретто: сюжет представлен в трех действиях, деление на элементы то же, что и в либретто 1895 года. Однако по сравнению с текстом 1895 г., в либретто 1950 г. появилась роль шута, расширилось описание природных явлений (*сильный удар грома сотрясает замок, сверкает молния, буря неистовствует, озеро озаряется первыми лучами восходящего солнца.*). В либретто 1895 г. экстерьер представлен только в ремарках (*Парк перед замком; Скалистая дикая местность*), а в современном тексте либретто описания природы мотивированы сюжетными изменениями и представлены в очень сокращенном варианте (*Власти зла приходит конец, и лучи восходящего солнца несут жизнь, любовь, счастье*).

Кроме того, в либретто 1950 г. некоторые сцены более детально прописаны. Например, эпизод неожиданного появления матери принца на празднике сына и его друзей.

Л 1895

Входит принцесса, предшествуемая свитой, Зигфрид идет навстречу матери, почтительно ее приветствуя. Она ласково упрекает его за то, что он пытается обмануть ее, ей известно, что он пировал сейчас и пришла она не затем, чтобы мешать ему веселиться в кругу товарищей, а затем, чтобы напомнить, что настал последний день его холостой жизни и что завтра он должен сделаться женихом.

Л 1950

Входит принцесса. Она окидывает недовольным взглядом присутствующих. Все низко склоняются перед ней. Принц целует руку матери. Она испытующе смотрит на сына. Заметив в его руках молитвенник, принцесса успокаивается – ее радует смиренное поведение Зигфрида.

Однако сомнение еще не покинуло ее. С некоторой настороженностью она проходит мимо друзей сына, заслонивших собою стол. Спрятавшийся за их спинами шут теряет равновесие и падает, роняя все собранные им кубки к ее ногам. Перед ней открывается стол со следами недавней пирушки.

Принцесса-мать разгневана. Однако появление девушек с цветами рассеивает надвигающуюся бурю. Неугомонный шут подносит принцессе кубок с вином и просит ее выпить за здоровье сына. Она отказывается и, недовольная беспечным поведением Зигфрида, удаляется.

Либретто, используемое в XXI в., повторяет структуру и сюжет предыдущих текстов, однако современный текст очень сокращен. В нем нет подробного описания действий и эмоций героев.

Л совр.

Слуги сообщают о появлении владетельной принцессы – матери Зигфрида. Она дарит сыну арбалет. Поздравив Зигфрида, принцесса напоминает, что детство прошло, и он обязан подумать о женитьбе. Завтра на балу принц должен выбрать себе невесту.

Текст Л 1950 характеризуется более подробным описанием действий и эмоций персонажей, он отличается образностью, обилием мелких деталей, в нем уделяется большое внимание чувствам персонажей. Иными словами, либретто нацелено на более полную передачу чувств и характеров главных героев [Коршунова, 2006, с. 71]. Характерно, что в либретто (и спектакле) середины XX в., а затем и в современном тексте, в отличие от текста конца XIX в., главные герои, Зигфрид и Одетта, остаются счастливы.

Сравним финалы текстов:

Л 1895.

Несчастливая девушка, в последний раз обняв Зигфрида, вбегает на скалу, чтобы броситься с ее высоты. Злой гений в виде филина парит над нею, чтобы обратить ее в лебедя. Зигфрид спешит на помощь к Одетте и вместе с нею кидается в озеро. Филин падает мертвый.

Л 1950.

Ротбарт стремится разъединить Зигфрида и Одетту, но он бессилен перед глубокой и искренней любовью. Взмешенный, он вступает с принцем в единоборство. Зигфриду удается вырвать одно из его крыльев – теперь Ротбарт лишен своей силы. Раздается удар грома. Молния разрушает руины старинного замка – жилище Ротбарта – и поражает самого волшебника. Он делает последнее, тщетное усилие уничтожить Зигфрида, но падает мертвым.

Начинается рассвет. Озеро озаряется первыми лучами восходящего солнца. Зигфрид приводит в чувство Одетту. В его любви она нашла освобождение от чар злого волшебника.

Подлинная любовь навсегда соединила жизни Одетты и Зигфрида.

Л совр.

Ночь. Берег озера. Одетта рассказывает подругам о коварстве Ротбарта и об измене Зигфрида. Появляется принц, он молит простить его. Влюбленных пытаются разлучить черные лебеди, посланные Ротбартом, но Зигфрид побеждает волшебника.

Власти зла приходит конец, и лучи восходящего солнца несут жизнь, любовь, счастье...

Таким образом, Л 1950 по сравнению с Л 1895 и Л совр. включает в себя наиболее полные описания экстерьера, действий и эмоций персонажей. Текст середины XX в. наиболее сближен с текстом художественной литературы [Васильев, 2013, с. 8]. Объемные описания чувств главных героев балета, сложные предложения, поясняющие поступки персонажей, используются в Л 1950, т. к. это была первая постановка балета «Лебединое озеро» в послевоенное время, и, скорее всего, «обычный зритель» отвык или даже не был знаком с театральным искусством.

Воссоздавая балет, советские хореографы и постановщики стремились приблизить спектакль к его первоначальному варианту, в связи с этим, возможно, и текст либретто был написан вслед за традицией создания объемных текстов, сопровождающих спектакль.

Библиографический список

1. Баташева Л.А. Оперные либретто: языковые особенности жанра // Гуманитарные исследования. М., 2012.
2. Березовский Б.Л. 111 балетов и забытых опер: справочник-путеводитель. СПб., 2004.
3. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие. Москва: Флинта – Наука, 2013.
4. Колесова Н.В. Способы включения интертекстуальных элементов в художественный текст // Язык в пространстве современной культуры. Краснодар. 2012.
5. Коршунова А.В. Стилистический прием как инструмент формирования эмоциональной эффективности рекламного слогана / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. Вып. 3. С. 69–79.
6. Лебединое озеро. Краткое содержание балета. Ленинград, 1950.
7. Лебединое озеро. Фантастический балет в трех действиях. СПб., 2015.
8. Программа балета «Лебединое озеро». 1895.

ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНАХ ДЖ.Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» И Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛ»

TRADITIONS OF F.M. DOSTOEVSKY IN NOVELS
BY J. D. SALINGER «THE CATCHER IN THE RYE»
AND BY D. TARTT «THE GOLDFINCH»

Н.С. Шалимова

N.S. Shalimova

Научный руководитель С.Г. Липнягова
Scientific director S.G. Lipnyagova

Исповедальная проза, тип героя, диалогичность, хронотоп, трехчастная структура, преобразование души.

Статья посвящена компаративному анализу романов Ф.М. Достоевского, Дж.Д. Сэлинджера и Д. Тартт. Рассматриваются особенности сюжетно-композиционной организации, пространственно-временной структуры, специфики повествования, а также тип героя, его влияние на стилистику романа и воплощение авторского замысла.

Confessional prose, type of character, dialog, chronotope, three-part structure, the transformation of soul.

The study tested novels by F. M. Dostoevsky, J. D. Salinger and D. Tartt in comparative way. The type of character, events, type of narration and chronotope are considered in their influence on the stylistic of the novel and realization of author's idea.

Влияние Ф.М. Достоевского на американский роман о подростках и особенно творчество Дж. Д. Сэлинджера всегда отмечалось как один из аспектов изучения творчества писателя. Можно выделить ряд типологически сходных тем и мотивов в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и романе Ф.М. Достоевского «Подросток»: тема воспитания, тема семьи, тема Христа, тема большого города, тема детства. Общими являются мотивы бегства и поисков учителя, мотивы одиночества. Герои произведений Сэлинджера и Достоевского – это герои дороги [Бахтин, 1975], которые находятся в движении пространственно и ментально, нравственное изменение находит отражение в повествовании, специфике хронотопа, когда герой в результате определенных событий словно переживает символическую смерть и внутренне преображается, меняется. Близки религиозно-нравственные аспекты творчества писателей, Сэлинджер принимает идею спасения любовью и красотой. Как и у героев Достоевского, особенное место в образе Холдена, главного героя романа «Над пропастью во ржи», занимает болезненность его восприятия, мнительность, чуткость.

Важным элементом поэтики романов Достоевского и Сэлинджера являются воспоминания, которые выполняют роль композиционного приема, выделяющего кульминационные моменты повествования. Таким образом, читатель видит всю сложность и многогранность психологического процесса, происходящего сейчас, в романном настоящем, события которого обогащаются глубоким подтекстом. Для нарратива характерна исповедальная тональность, которая строится во многом благодаря диалогичному взаимодействию рассказчика и читателя, где диалогичность – ключ к пониманию внутреннего мира главного героя. В начале романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» содержится отсылка к традициям автобиографического и воспитательного романа, от следования которым рассказчик отказывается, поскольку ему «неохота ... копать» в этой «давидкопперфилдовской мути». Однако упоминание романа Ч. Диккенса не случайно и на авторском уровне актуализирует литературную традицию, с которой роман Сэлинджера коррелирует не только в части повествовательной стратегии, но и в способах организации художественного времени и пространства [Липнягова, 2008]. В качестве особенностей поэтики можно отметить притягательность образа нарратора, его связь с читателем, постоянную апелляцию к нему, то, что определяется как диалогизированный нарративный монолог [Шмид, 2003], а также субъектную организацию повествования. Интересно, что время действия в романе Сэлинджера – канун Рождества, этот особенный период словно «сгущает» пространство, делая его более плотным, холод и безлюдность становятся лейтмотивами.

Также представляется важным отметить автометаописательность творчества Дж. Д. Сэлинджера, чрезвычайную значимость этого романа в экстралитературном контексте, в частности, в жизнестроительных стратегиях и автомифотворчестве [Горбенко, 2014, с. 217] его создателя, который в пространстве художественного текста словно «прячется» за фигуру нарратора, доверяя ему сокровенные мысли относительно собственного военного опыта, отношения к религии, государству, а в жизни, будто исполняя мечту своего героя, в расцвете литературной славы более чем на 50 лет становится отшельником.

В качестве примера продолжающегося диалога американского повествования о подростке с исповедальной традицией Достоевского можно рассмотреть роман Донны Тартт «Щегол» (*The Goldfinch*, 2013). Сопоставление героев Достоевского, Сэлинджера, Тартт возможно через призму исповедального повествования, которое выполняет рефлексивную и нарративную функции [Шалимова, 2014, с. 266]. В романе Д. Тартт также акцентируется хронотоп большого города, который подчеркивает одиночество героя, его потерянность. Рассказывая о взрослении Тео, Донна Тартт использует опыт Достоевского для создания эмоциональной исповеди героя через призму восприятия им города. Свое взросление Тео описывает как бесприютное скитальчество по промозглому городу, многократно повторенные слова «бродить» (*wander*), «туман» (*fog*), «мечта» или «видение» (*dream*) относятся к пограничным состояниям сознания героя. Объединяет героев также обдумывание какой-то идеи или теории и то, что в финале они

приходят к определенному примирению с действительностью, принятию себя и окружающего мира.

В романе Донны Тартт «русская тема» прослеживается на всех уровнях текста: главный герой и рассказчик – Теодор (аналог – русское имя Федор, уже в семантике имени содержится параллель с Достоевским), его невеста – Китси (Китти), имя лучшего друга героя – Борис, одна из ключевых глав романа носит название «Идиот», круг чтения героя – Ф.М. Достоевский и А.С. Пушкин. Одним из ключевых эпизодов романа является диалог Тео и Бориса о понимании романа «Идиот», где Борис озвучивает важнейшие для понимания поэтики романа мысли, косвенно уподобляя Тео князю Мышкину, подчеркивая доброе и светлое начало в герое.

Связь с русской литературой проявляется и в плане речевой организации – в романе присутствуют русские слова и фразы, в тексте обозначенные транслитерацией. Действие начинается в большом городе в предрождественское время (параллель с романом «Над пропастью во ржи»), где оказывается герой-сирота, среди художественных особенностей романа можно выделить кинематографичную монтажность приемов в изображении окружающего мира, лиминальность хронотопа, трехчастную структуру романа: отделение от привычного мира, долгий период скитаний, в которых герой, вынося лишения, сильнейшее одиночество, бесприютность, отрицая возможность гармонии, переживает просветление, внутреннее преображение, экзистенциальный переворот и становится иным, не равным себе прежнему.

Герои этих произведений оказываются в состоянии духовного или материального кризиса, для разрешения которого требуется чудо. Этим чудом является любовь Холдена к сестренке, душевная общность с ней, для Теодора, главного героя и нарратора романа «Щегол», это возможность отпустить то, что любишь больше всего (в художественном пространстве романа возлюбленную героя Пипу и картину Карела Фабрициуса «Щегол»).

Дискурсивный конструкт преображения души, преодоления социального и ментального одиночества является важнейшими чертами рассматриваемых текстов. Сэлинджер, как и Достоевский, совмещает комическое и трагическое в изображении повествователя, соединяя в нем черты героя, антигероя, шута. Это герои близкого возраста и схожего мировосприятия, главными смысловыми доминантами бытия для них одновременно становится идея уединения, отстраненности, с одной стороны, и поиски близкой души, чуткого, восприимчивого собеседника, с другой. Совпадает и исповедальная тональность повествования, ее терапевтический для рассказчика эффект, когда записывание выступает как процесс припоминания, проговаривания и, в результате, словно освобождает героя, дарит ему надежду.

Библиографический список

1. Горбенко А.Ю. Чураевка как текст: строительство и жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 4 (30). С. 217–219.

2. Липнягова С.Г. Варианты реализации категории театральности в английском романе XIX–XX вв. История и поэтика зарубежных литератур [Текст] : межвузовский сборник научных трудов / Краснояр. гос. педагог. ун-т им. В.П. Астафьева; отв. ред. М.И. Воропанова. Красноярск: [б. и.], 2008.
3. Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
4. Шалимова Н. С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 4. С. 265–268.
5. Шмид В. Нарратология. Языки славянской культуры. М., 2003. 312 с.

ЭМОТИВНОЕ ПОЛЕ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

EMOTIVE FIELD OF CHARACTER IN THE NOVEL F.M. DOSTOEVSKY «A RAW YOUTH»

А.А. Шамовская

A.A. Shamovskaya

Научный руководитель **И.В. Ревенко**

Scientific director **I.V. Revenko**

Эмотивное поле, эмоции, эмоциональность, эмотив, вербализация, художественный текст.

В статье приводится характеристика эмотивного поля персонажа романа Ф.М. Достоевского. Для этого обозначены основные понятия, данные различными учеными-лингвистами, работавшими в данной области языкознания. Также даны примеры эмотивов с положительной и отрицательной коннотацией, встречающихся в речи главного героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Выявляется связь между эмотивным полем персонажа и его характеристикой.

Emotional field, emotions, emotionality, emotive, verbalization, artistic text.

The article describes the character field of the character of the novel by F. M. Dostoevsky. For this, the basic concepts given by various linguistic scientists working in the given field of linguistics are indicated. Also given are examples of emotives with positive and negative connotations, which are found in the speech of the main character of the novel «A raw youth» by F. M. Dostoevsky. The connection between the character's emotional field and its characteristics is revealed.

Эмоции в современном мире являются важной и неотъемлемой частью любой социальной структуры. С помощью *вербального* и *невербального* выражения различных чувств, состояний люди осуществляют коммуникацию. Несмотря на то, что «первичная семиотическая система (невербальная) превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качеству выражения» [Шаховский, 2008, с. 19]. Языковые средства выражения эмоций в художественном тексте образуют сложные лексические, семантические и синтаксические структуры. Выбор средств вербализации эмоций определяется своеобразием языка каждого отдельного автора и особенностями личности, характера, психики многочисленных персонажей произведения. Для нас в данной статье наибольший интерес представляет *категория эмотивности* и *эмотивное поле* главного героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

Под *категорией эмотивности* мы понимаем «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 1987, с. 24]. Как отмечает в своей работе И.В.

Ревенко, «эмотивность, являясь функционально-семантической категорией, приобретает категориальный статус на различных уровнях языковой системы – лексическом, фонологическом, на уровне предложения и текста» [Ревенко, 2016, с. 181]. Категория эмотивности с точки зрения лексики представляет собой «совокупность лексических единиц, связанных общим значением или общими семмами» [Ревенко, 2013, с. 202]. Определение понятию *лексико-семантического эмотивного поля* дает В.И. Шаховский: «Это корпус лексических средств языка, имеющих в своей семантике эмотивную долю в статусе значения или коннотации и обладающих всеми признаками поля (полеобразующее ядро, периферия); формируется по главному функциональному признаку – способности к выражению эмоций и семантическому признаку – эмотивности» [Шаховский, 1987, с. 25].

В пространстве художественного текста категория эмотивности может реализовываться за счет взаимодействия языковых средств (контекста). «Учитывая формальные признаки проявления эмотивности, можно выделить *эксплицитные* и *имплицитные* эмотивные средства» [Карпова, 2011, с. 138]. В рамках данной статьи мы рассматриваем только эксплицитные средства выражения эмоций. Эксплицитные средства (эмотивы) – это слова, вербализующие отрицательные или положительные эмоции с общепринятым значением.

Несмотря на то, что персонаж художественного текста является виртуальной личностью, он переживает эмоции, свойственные каждому человеку, т. е. реальной личности. Анализ художественного текста позволяет выявить круг эмоций, испытываемых персонажем. В зависимости от степени частотности и интенсивности отраженных эмотивами эмоций их можно структурировать по полювому принципу. В нашей статье рассматриваются эксплицитные эмотивы, образующие эмотивное поле главного героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток» – Аркадия Макаровича Долгорукого.

Анализ художественного текста позволил нам выявить следующие эмотивы, организующие микрополе положительных эмоций: *счастье, восхищение, радость*. Микрополе отрицательных эмоций образуют эмотивы: *стыд, досада, грусть, нелюбовь, омерзение*. К этому микрополю также относятся глаголы: *вызлиться, озлился, злился, ненавижу, боится, трусит, подлещаться, обижен, хандрит*. Дополнительными маркерами эмоций выступают бранные слова: *дурак, баба*.

Эмоциональное состояние персонажа в тексте передается не только посредством лексем, но и при помощи фразеологизмов: *сводить с ума, к какому черту, не помня себя, полюбила до смерти, оскорбить до глубины души, хвост поджал*.

Количественный анализ показал, что в речи главного героя преобладают отрицательные эмотивы. Самые употребительные: *ненависть, унижить, обидеть*. Отрицательные эмотивы встречаются в таких предложениях, где герой дает оценку себе, иным людям, говорит об отношении к нему разных героев. Например: «Сам я **ненавидел** и **ненавижу** все эти мерзости всю мою жизнь» [Достоевский, 2017, с. 9]; «... но человек этот меня знать не хотел и **унизил**, тогда как я мечтал о нем все эти годы...» [Там же, с. 18].

Из микрополя положительных эмоций чаще встречаются *счастье, радость*. Положительные эмотивы связаны с образом матери и женщины, заинтересовавшей героя. Например: «... даже и в том случае, если б они мне все там понравились, и дали мне *счастье*» [Там же].

Фразеологические обороты и устойчивые словосочетания часто употребляются в речи персонажа, также неся в себе эмоциональную составляющую. Некоторые из них употреблены в виде междометных, ярко эмоциональных восклицаний («к какому черту», «черт знает откуда»). Глагольные фразеологизмы, о которых пишет С.П. Васильева [Васильева, 2013], наглядно представлены в речи Долгорукого и выражают по преимуществу отрицательную коннотацию («хвост поджал», «сводить с ума», «не помня себя», «полюбила до смерти», «оскорбить до глубины души»).

Описание эмотивного поля художественного текста дает важную информацию для понимания характера персонажа. Исходя из того, что в эмотивном поле главного героя романа «Подросток» преобладают эмотивы с отрицательной коннотацией, можно судить о том, что он меланхолик со скептическим взглядом на жизнь. Также мы можем сделать вывод о склонности героя к интраверсии, так как при общении даже с близкими людьми Аркадий Долгорукий испытывает дискомфорт и отрицательные эмоции, которые представлены эмотивами «глупость», «небрежение», «обида» и «стыд». Кроме того, данный персонаж склонен к самоанализу, подвергая трезвому и объективному взгляду собственное поведение и мысли. Те эмотивы, которым присуща положительная коннотация, говорят о том, что главный герой романа Ф.М. Достоевского имеет высокие идеалы, о чем могут судить слова «чистота», «честность», «добродетель» и «счастье».

Таким образом, описание эмотивного поля персонажа может служить базой для моделирования эмотивного портрета. При комплексном рассмотрении внешнего и эмотивного портретов можно получить важную для понимания художественного образа информацию, полнее осмыслить авторский замысел и в результате точнее интерпретировать текст.

Библиографический список

1. Васильева С.П. Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 1. С. 161–166.
2. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: Аст. 2017. 640 с.
3. Карпова Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №4(16). URL: <http://www.rfp.psu.ru>
4. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 2. С. 200–206.
5. Ревенко И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2. С. 179–186.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛОУСОВА Екатерина Максимовна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: katyshka195@yandex.ru

БОГДАНОВА Татьяна Алексеевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: tata21vek@yandex.ru

БОРОВИК Татьяна Сергеевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bts94@mail.ru

ГАЛЬМИЗ Евгения Дмитриевна – студентка III курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: galmizevgeniya@mail.ru

ГНЕДЧИК Анастасия Сергеевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; email: t_113@mail.ru

ЕПЛАНОВ Денис Витальевич – студент филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; l-lolait@mail.ru

ИВАНОВА Марина Васильевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: podgornova.marishka@rambler.ru

КАБИРОВА Мария Андреевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

КУДРЕВА Виолетта Александровна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: violonchel.95@mail.ru

МАЛИНОВСКАЯ Екатерина Андреевна – преподаватель-исследователь кафедры мировой литературы филологического факультета, магистр педагогического образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; место работы – МАОУ КУГ №1 – Универс;
e-mail: hahhhs@gmail.com.

МИСИНЕВА Ирина Алексеевна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева;
e-mail: imisineva@mail.ru

НЕБОВА Екатерина Владимировна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: 12katrinnebo02@gmail.com

ОБУХОВА Вероника Геннадьевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: veronika20894obu@gmail.com

ОВЦИНА Алена Игоревна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ПАНКОВА Любовь Викторовна – магистрант II курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: zeinog@me.com

ПОДАБЕД Светлана Александровна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: svetla_fotina@mail.ru

ПОДСОХИН Федор Евгеньевич – аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: theodor.podsokhin@mail.ru

СУРОВЦЕВА Кристина Александровна – студентка филологического факультета Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: kris.surov@yandex.ru

ТРУХИНА Екатерина Игоревна – студентка филологического факультета Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: trukhina.eka@yandex.ru

ТЮТЮКОВА Анастасия Евгеньевна – магистрант I курса кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-

Петербургский государственный университет; e-mail: spb_ilu@mail.ru

ШАЛИМОВА Надежда Сергеевна – ассистент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dm561@ya.ru

ШАМОВСКАЯ Анастасия Анатольевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: bella_kullen_96@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

XVIII Международный научно-практический
форум студентов, аспирантов и молодых ученых,
посвященный 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы научно-практической конференции

Красноярск, 26 апреля 2017 г.

Электронное издание

Редактор *А.П. Малахова*
Корректор *М.А. Исакова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 24.08.17.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,6